

«Добрый век Георгия Суворова»

ББК 83.3д(2=411.2)6Суворов Г.К.

С89

«Добрый век Георгия Суворова»: сборник материалов в помощь организаторам краеведческой работы / сост. В.М. Гуслина, Т.А. Павлова, ред. Н.В. Василькова, отв. за выпуск Т.А. Соловьева. – 2е изд., испр. и доп. – Сланцы: Сланцевская межпоселенческая центральная районная библиотека, 2019. – 56 с.

Предлагаемый сборник предназначен для использования в качестве методического пособия при работе с темой жизни и творчества поэта-воина Георгия Суворова, адресован работникам библиотек, музеев, педагогам, а также всем, кто работает с молодежью.

**Муниципальное казенное учреждение культуры
«Сланцевская межпоселенческая центральная
районная библиотека»**

«Добрый век Георгия Суворова»

**Сборник материалов
в помощь организаторам
краеведческой работы**

**Сланцы
2019**

Содержание

Суворов Георгий Кузьмич (1919 – 1944). Библиография	3
Малкин М.Ф. Георгий Кузьмич Суворов (1919 – 1944)	8
Петров Е.Н. Поэтом был, погиб солдатом	10
Поляков Ю. «Я славлю вас, герои!»	12
Дудин М. Из повести «Где наша не пропадала»	19
Юдалевич М. [Георгий Суворов]	21
Утков В. Письма Георгия Суворова Леониду Мартынову	23
Сурков А. О «Сонетах гнева»	25
Решетников Л. К портрету моего ровесника	27
Ойфа П. «Есть в русском офицере обаянье...»	30
Хренков Д. «Как быстро наше время протекло...»	33
Емельянова (Румянцева) Н.А. [Воспоминания о друге-поэте Георгии Суворове]	36
Чабурин И., Донской А. «Свой добрый век мы прожили как люди...»	38
Балавин А. Из рецензии на книгу «Георгий Суворов. Звезда, сгоревшая в ночи. Стихи и письма Г. Суворова. Воспоминания о нем»	39
Стихи Георгия Суворова	40
Стихи о Георгии Суворове	49
Послесловие к сборнику	51
Об авторах материалов	52

СУВОРОВ ГЕОРГИЙ КУЗЬМИЧ
(1919 – 1944)

БИБЛИОГРАФИЯ

Отдельные издания

1. Суворов Г. Слово солдата. Стихотворения. - Л.: Лениздат, 1954. - 63 с.
2. Суворов Г. Соколиная песня: стихи и письма поэта, воспоминания о нем / сост. и авт. предисл. Л. Решетников. – М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1972. – 224 с.

Публикации в сборниках и периодических изданиях

3. Суворов Г. Три стихотворения [«Средь этих нив я собирал слова...»; «Мы тоскуем и скорбим...»; «Я славлю вас, герои! Обо мне ж...»] // В редакцию не вернулся. - Кн. 1-я, изд. 2-е. – М., 1972. – С. 370 – 371.
4. Суворов Г. Невская баллада: стихотворение (1941) // Ветеран. - Вып. 4. - Л., 1990. - С. 48.
5. Суворов Г. Лейтенанту Островскому: стихотворение // День поэзии. - 1974. - Л., 1974. – С. 386.
6. Суворов Г. Первый снег; Снайпер; “Над лесом взмыла красная ракета...” [полковнику Подлущкому]; Болото; Мечь; Брусника; “Мы вышли из большого боя...” [О. Корниенко]; “Мы тоскуем и скорбим...”; “Еще утрами черный дым клубится...”: стихи // До последнего дыхания. Стихи советских поэтов, павших в Великой Отечественной войне. - М., 1985. - С. 294 - 299.
7. Суворов Г. «Бушует поле боевой тревогой...»; «Он говорил: «Пылай, мое село...»; «Целую матовый клинок...»; «И в этот час расстаться не хотим мы...»; То не ветер; «Над телом друга я скорблю...»: стихи // До последней минуты. - Л., 1983. – С. 187 – 189.
8. Суворов Г. Из фронтовых стихов (1942 – 1944 г.г. Ленинградский фронт): «Туманов голубая робость...» [военному газетчику Н. Маслину]; «Цветы. Цветы... Как много их...»; «Пришел и рухнул, словно камень...»; Чайка; «Мы вышли из большого боя...»: [О. Корниенко]; «Леса и степи, степи и леса...»; «Еще утрами черный дым клубится...»: стихи // За тебя, Ленинград! Поэты в боях за город Ленина. - Л., 1985. - С. 267 - 271.
9. Суворов Г. «Еще утрами черный дым клубится...»; «Метет, метет... И нет конца метели...»; «Хотя бы минуту на роздых...» [подполковнику Кузнецову]; «Над лесом взмыла красная ракета...» [подполковнику Подлущкому]; «Есть в русском офицере обаянье...» [полковнику Путилову]; Первый снег; «Пришел и рухнул, словно камень...» [стихи] // Имена на поверке. Стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны. – Мурманск, 1966. – С. 134 – 138.
10. Суворов Г. «Средь этих нив я собирал слова...»; «Вперед, на Запад...»; Чайка; «Пришел и рухнул, словно камень...»; «Есть в русском офицере обаянье...» [полковнику Путилову]; «Мы вышли из большого боя...» [О. Корниенко]; «Еще на зорях черный дым клубится...»; «Цветы. цветы... Как много их...»; «Мы тоскуем и скорбим...»; «Так часто-часто, друг ты мой далекий...»; Нашему офицерскому собранию; «Тополь жмется к тополи...»; Первый снег; Во имя любви [Нине

Емельяновой]; «Ухожу...»: стихи // Лирика 40-х годов. - Фрунзе, 1977. – С. 625 - 634.

11. Суворов Г. «Спуская лодки на Неву, мы знали...» [капитану Строилову]; «Сочилась кровь, и свет бежал из глаз...» [М. Романовой]; «Над лесом взмыла красная ракета...» [полковнику Подлуцкому]; Месть; «Когда-нибудь, уйдя в ночное...»; «Еще утрами черный дым клубится...»: стихи // Победа. Поэты о подвиге Ленинграда в Великой Отечественной войне. - Л., 1970. - С. 414 - 417.

12. Суворов Г. Слово солдата: «Хотя бы минуту на роздых...»; «Сочилась кровь, и свет бежал из глаз...»; «Хоть день один, хоть миг один...»; «Мы тоскуем и скорбим...»; «Есть в русском офицере обаянье...»; «Пришел и рухнул, словно камень...»; Злобно воет ветер; «Над лесом взмыла красная ракета...»; «Мы вышли из большого боя...»; «Встанем и погреем руки...»; Теткин ручей; «Метет, метет. И нет конца метели...»; Невская баллада; Моя земля; «Вперед, на Запад!...»; «Еще утрами черный дым клубится...»: стихи // Пятьobeliskov. Стихи поэтов, павших на Великой Отечественной войне. – М., 1968. – С. 15 – 52.

13. Суворов Г. «Вперед, на Запад...»; «Мы тоскуем и скорбим...»; «Еще утрами черный дым клубится...»: стихи // Ради жизни на земле. Стихотворения о Великой Отечественной войне. - М., 1975. – С. 322 - 323; С. 33: фото.

14. Суворов Г. «Мы тоскуем и скорбим...»; «Мы вышли из большого боя...» [О. Корниенко]; «Еще утрами черный дым клубится...»: стихи // Священная война... Стихи о Великой Отечественной войне. - М., 1966. - С. 644 - 645.

15. Суворов Г. Первый снег; «Спуская лодки на Неву, мы знали...» [капитану Строилову]; Снайпер; «Сочилась кровь, и свет бежал из глаз...»: [М. Романовой]; «Над лесом взмыла красная ракета...» [полковнику Подлуцкому]; Болото; Месть; «Бушует поле боевой тревогой...»; Брусника; Косач; «Когда-нибудь, уйдя в ночное...»; «Пришел и рухнул, словно камень...»; «В моем вине лучистый белый лед...»; «Мы вышли из большого боя...» [О. Корниенко]; «Еще утрами черный дым клубится...»; Соколиная; Полотенце; «Мы тоскуем и скорбим...»; «Леса и степи, степи и леса...»: стихи // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. - М. - Л., 1965. - С. 537 – 549: фото. – С. 545.

16. Суворов Г. «Еще на зорях черный дым клубится...»; «Час отдыха!... О, редкий тихий час...»; «Метет, метет... И нет конца метели...»; «Ухожу. Вернусь ли я – не знаю...»; «Пришел и рухнул, словно камень...»; «Мы вышли из большого боя...» [О. Корниенко]: стихи // Строки, добытые в боях. Поэзия военного поколения / сост. Л. Лазарев, оформл. Е. Когана. – М.: Дет. лит., 1973. - С. 116 - 120.

17. Суворов Г. Так бьется коммунист [В. Чахлову]; «Еще утрами черный дым клубится...» [М. Дудину]; «Захочется нам сразу жить, как людям...»; Первый снег; «Туманов голубая робость...» [военному газетчику Н. Маслину]; «Лохматый хоровод холмов...»; Чайка: стихи // Учительская газета. - 1984. - 17 апр.

18. Суворов Г. Стихи // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. И.Н. Сухих; составление, подгот. текста, примеч. М.А. Бениной и Е.П. Семеновй. – СПб.: Академический проект, 2005. - С. 396 - 408. - (Новая Библиотека поэта).

О творчестве

19. Георгий Кузьмич Суворов // Электронный справочник по предмету «Литература Красноярского края». – Режим доступа: http://mmc.krsnet.ru/resource/cor/literatura_kk/p25aa1.html
20. Данильченко В. «Победивший смерть» [о Суворове Г.К.]: машинописная копия // Молодая гвардия. - 1971. - № 2. - С. 307 - 309.
21. До последней минуты... Ленинградским писателям, павшим на фронтах Великой Отечественной войны 1941 - 1945 г.г. и во время блокады / сост. З. Дичаров. - Л.: Лениздат, 1983. – С. 181 – 189. - Из содерж.: Суворов Георгий Кузьмич (1919 – 1944), поэт: биограф. справка; Тихонов Н. Поэт с берегов Абакана. – С. 182 – 184; Ойфа П. Береза у мызы Мустайыэ. Памяти гвардии лейтенанта Георгия Суворова: стихи (1944). – С. 184; Дудин М. Слово солдата. - С. 185 - 186.
22. Дудин М. С новым рассветом встает тишина // Дудин М. Где наша не пропадала: повесть. Глава тридцать третья // Дудин М. Где наша не пропадала: повесть и рассказы. – Л.: Лениздат, 1979. – С. 146 – 148.
23. Дудин М. Слово солдата [воспоминания о встречах с Георгием Суворовым] // В редакцию не вернулся. - Кн. 1-я, изд. 2-е. - М., 1972. – С. 368 - 370.
24. Кононов К.В. Георгий Суворов // День поэзии. 1974. - Л.: Советский писатель, 1974. – С. 385 – 386.
25. Кривошеев Е. «Сказал только первое слово...» [о Георгии Суворове]: машинописная копия // Таллин. – 1985. - № 3. – С. 92 – 102.
26. Малкин М. Забытые переводы стихов Георгия Суворова // Нева. - 2002. - № 10. - С. 224 - 226.
27. Малкин М.Ф. Обелиски Георгия Суворова. - СПб.: Омега, 2000. – 200 с.
28. Малкин М. Памяти поэта-фронтовика Георгия Суворова // Нева. – 2005. - № 7. – С. 246 – 247.
29. Мостков Ю. Поэты в солдатском строю: Поэзия Сибири в годы Великой Отечественной войны [о Георгии Суворове]: машинописная копия // Молодая гвардия. – 1979. - № 11. – С. 276 – 290.
30. Петрунин Ю. Бесценных восемь строф...: найдены ранее не публиковавшиеся восемь строф стихотворения Георгия Суворова // Библиотекарь. - 1984. - № 2. - С. 31.
31. Письма Георгия Суворова Леониду Мартынову / публикация В. Уткова // Звезда. – 1988. - № 9. – С. 169 – 173.
32. Поляков Ю. Каждый год: стихотворение (1980) [В городе Сланцы в братской могиле похоронен поэт Георгий Суворов. Каждый год издалека в день рождения поэта на могилу приезжает женщина с цветами...] // Парус: сборник литературно-художественных и публицистических произведений. - Вып. 5. - М., 1985. – С. 24.
33. Поляков Ю. «Какой высокою ценою... // Учительская газета. - 1980. - 17 мая. - (Материал включен в альбом «Г.К. Суворов»).

34. Поляков Ю. Между двумя морями: книга о поэте [о Георгии Суворове]. – М.: Молодая гвардия, 1983. – 96 с.
35. Поляков Ю. «Моя сереброокая Сибирь»: Г.К. Суворов // Литературная Россия. - 1981. - № 19. - (Материал включен в альбом «Г.К. Суворов»).
36. Поляков Ю. Характер бойца закончен: Г.К. Суворов. Стихотворения // Учительская газета. - 1984. - 17 апр.
37. Поляков Ю. Я славлю вас, герои! // Дружба: лит.-худож. альманах. - М., 1981. - № 3. - С. 138 - 145.
38. Поляков Ю. Я славлю вас, герои!: Г.К. Суворов // Огонек.- 1981.- № 19. - (Материал включен в альбом «Суворов Г.К.»).
39. Розен А. Разговор с другом [из воспоминаний о Георгии Суворове]. - М., 1983. – С. 330 - 339, 419.
40. Смелягина А. Памяти павших. Старт «Литературного автопробега»: от Петербурга до Сланцев [В рамках цикла «Навстречу 65-летию Победы» в конце минувшего года в Сланцах стартовал «Литературный автопробег памяти литераторов, павших на фронтах Ленинградской области». В статье рассказывается о мероприятиях, проведенных сотрудниками Сланцевской городской библиотеки в память о поэте-воине Г. Суворове] // Библиотечное дело. – 2010. - № 7. – С. 20 - 21.
41. Тихонов Н. Сибиряк на Неве: рассказ // Тихонов Н. Сибиряк на Неве: рассказы. - М., 1968. – С. 33 – 61.
42. Хренков Д. Добрый век Георгия Суворова // Хренков Д. Герои не умирают: из армейского блокнота. - Л.: Детская литература, 1987. - С. 127 - 135.
43. Хренков Д. Из боя в бой // Аврора. - 1971. - № 2. - С. 49 – 50.
44. Хренков Д. «Как быстро наше время протекло...» [О Георгии Суворове] // Литературная газета. - 1985. - 26 июня.
45. Шик Э. Жизнь для людей [Г.К. Суворов]: машинописная копия // Сибирские огни. – 1967. – № 11. – С. 168 – 171.
46. Эльзон М. «Он был достоин победы»: рец. на кн. М.Ф. Малкина «Обелиски Георгия Суворова» (СПб. - 2000. – 200 с.) // Нева. - 2001. - № 12. - С. 197 - 198.
47. «Свой добрый век он прожил для людей»: устный журнал, посвященный поэту-воину Георгию Суворову, погибшему на Сланцевской земле во время Великой Отечественной войны [материал включен в альбом «Г.К. Суворов»].
48. Суворов Георгий Кузьмич (1919 - 1944): альбом [Включает материалы местной и центральной периодики] / Сланцевская библиотека.

Публикации газеты «Знамя труда»

49. Афанасьева Т. Помним и любим [Поисковая работа: в сланцевской школе № 12 есть небольшой музей Г.К. Суворова] // Знамя труда. – 1979. – 9 мая. – С. 2.
50. Васильева В. «Без прошлого нет будущего» [Уже пять лет пионеры школы № 12 изучают жизнь и творчество поэта-сибиряка Г.К. Суворова. Руководит поисковой работой учитель русского языка и литературы Т.В. Афанасьева] // Знамя труда. - 1980. - 25 апр. – С. 3.
51. Поэт-воин [Коротко о жизни Георгия Суворова; опубликовано несколько стихотворений и писем сестре Тамаре] // Знамя труда.- 1975. - 18 февр. – С. 3. - (Вспоминая годы боевые).
52. Галкина В. И наш город славен поэтами...: [Георгий Суворов: строки из биографии] // Знамя труда. - 1995. - 19 апр.
53. Гордеева В. «Суворовский форум» продолжается [19 апреля в Сланцевской публичной библиотеке прошел традиционный ежегодный «Суворовский форум», посвященный памяти поэта-воина Георгия Суворова. На нем состоялись две телеконференции – со школьниками пос. Краснотуранск Красноярского края и со студентами медицинского колледжа г. Вологды] // Знамя труда. – 2017. – 5 мая. – С. 16: фот. цв.
54. Кузнецова В. «Свой добрый век мы прожили как люди...» // Знамя труда. – 1986. – 7 мая.
55. Он был солдатом: Рассказываем о поэте Георгии Суворове [Биография поэта, написанная его сестрой Т.К. Серебряковой, фронтовые письма] // Знамя труда. - 1967. - 26 марта. – С. 2.
56. Орлова Е. Памяти поэта Георгия Суворова // Знамя труда. - 1983. - 20 апр.
57. Петров Е.Н. Река Нарва. Февраль 1944 года. Поэтом был, погиб солдатом [Суворов Георгий Кузьмич (1919 – 1944), поэт] // Знамя труда. - 1982. - 13 февр.
58. Продолжение песни. Памяти поэта-фронтовика Георгия Суворова / Слова В. Шумилина, муз. В. Запольского (текст, ноты) // Знамя труда. - 1969. - 7 нояб. – С. 4.
59. Ржевцева Л. «Свой добрый век мы прожили как люди... [О жизни Г.К. Суворова, о поисковой работе учеников ба класса школы № 3] / Л. Ржевцева, И. Аноприк, Л. Иванова и др. ученики ба кл. школы № 3 // Знамя труда. - 1966. - 24 дек. – С. 2.
60. Симкин Г., Андреев И. Георгий Суворов – поэт и солдат [Студенты Абаканского педагогического училища начали поиск материалов о Георгии Суворове] // Знамя труда. - 1965. - 12 мая. – С. 3.
61. Шевчук Д. Память сердца [Нина Александровна Емельянова (Румянцева), фронтовая подруга Георгия Суворова, навещает могилу поэта каждый год 19 апреля, в день его рождения] // Знамя труда. - 1978. - 9 мая. – С. 4.

Библиографические пособия

62. Суворов Георгий Кузьмич (1919 - 1944) [Краткая биографическая справка. Публикация произведений Г. Суворова. Литература о жизни и творчестве] // Вечный огонь поэзии. Советские поэты, павшие в битве за Ленинград: рекомендательный указатель литературы / ЛОБ, СБО. - Л., 1985. - С. 29 - 36.
63. Суворов Георгий Кузьмич (1919 - 1944): библиографическая справка // До последней минуты. - Л., 1983. - С. 181.
64. Суворов Георгий Кузьмич: биография. Краткая библиография // Ленинградские писатели-фронтовики. - Л., 1985. - С. 351 - 352.
65. Суворов Георгий Кузьмич (1919, Краснотуранск, ныне Красноярского края - 13.02.1944) - поэт: краткая библиография // Писатели Ленинграда. 1934 - 1981. Библиографический справочник. - Л., 1982. - С. 295.
66. Суворов Георгий Кузьмич (1919 - 1944): библиография // Литературная карта Хакасии [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.nbdrx.ru/chit/lm/souz/souz21.asp>

Фонд Сланцевского историко-краеведческого музея

67. День поэзии. – М., 1966. – С. 243 – 245. – Содерж.: Сурков А. О сонетах гнева. – С. 243 - 245; Суворов Г. «Хотя теперь сонеты и не в моде...»; «Из наших душ канаты можно вить...»: стихи. – С. 245.
68. Емельянова (Румянцева) Н.А. [Воспоминания о друге-поэте Георгии Суворове]: машинопись. - Сланцы, 1977. - 4 л.

М.Ф. Малкин

ГЕОРГИЙ КУЗЬМИЧ СУВОРОВ (1919 – 1944)

...Ну что ж! Я буду счастлив даже тем,
Что сын героя мой листок подымет, -
И прозвучит ему героя имя
Во всей неповторимой красоте.
Г.К. Суворов

Г.К. Суворов печатался за подписями: Г. Суворов, курсант Георгий Суворов, гв. лейтенант Суворов Г.К., младший лейтенант Суворов.

Родился поэт 11 апреля (29 марта ст. стиль) 1919 г. в селе Абаканском Енисейской губернии (ныне г. Краснотуранск, Республика Хакасия).

О начале жизни поэт-воин писал сестре-погодке Тамаре:

Нет, мы не радовались светлым детством,
Оно над нами желчью пролилось...
Легко ли жить с сиротством за плечами,
Но рвались мы к науке и труду.
Мечты сбылись: пред нашими очами
Грядущий день зажег свою звезду...

Обеспечили им эту возможность школа колхозной молодежи и школа-семилетка второй ступени, которую они окончили, живя еще в детском доме, а также училище с интернатом, получившее в 1999 г. название Педагогический колледж Хакасского государственного университета им. А.Ф. Катанова.

В ноябре 1937 г. студенческий хор исполнил «Песню» Георгия Суворова, но ее текст («Тополь жметя к тополю...») впервые был напечатан в 1949 г.

Чтобы помогать сестре, Георгий переводится на заочное отделение и начинает преподавать в школе 1-й ступени села Иудино, ныне Бондарево, названного в честь правдоискателя Тимофея Бондарева, которого знал и ценил Л.Н. Толстой. Девятнадцатилетний педагог посвятил ему очерк «Там, где жил Тимофей Бондарев». Одновременно Суворов руководит внеклассными занятиями учащихся, выкраивая время на переводы стихов с немецкого, создание и постановку одноактных пьес. С интересом изучает Георгий хакасский фольклор, а на одном из организованных им литературных вечеров знакомится с единственным в тех краях членом Союза писателей СССР Иваном Евдокимовичем Ерохиным, который становится его первым поэтическим наставником.

Несколько месяцев 1938 года Суворов провел в краевом центре. Здесь он не только учился на подготовительном отделении педагогического института, но и занимался в литературном объединении при редакции газеты «Красноярский рабочий», которым руководил И.Е. Ерохин. Юношеская дружба с чабаном Хохой Чертыбасаевым и Орландаем вдохновила его переложить хакасские напевы на русский лад в духе Ивана Ерохина.

Но уже 15 октября 1939 г. студент Суворов стал красноармейцем. Срочную службу он проходил в Омске, где успел написать пьесу из жизни лесосплавщиков, стихи о советско-финской войне, поэму о хакасском богатыре Камзе Пите. Всего за год им было написано около 10 тысяч стихотворных строк.

На занятиях литобъединения Георгий знакомится с Л.Н. Мартыновым, который стал другом и вторым его поэтическим наставником. 21 марта 1940 г. в Доме Красной Армии состоялся первый творческий вечер Г. Суворова, где кроме стихов на армейские темы он прочитал отрывок из незаконченной поэмы о сибирском партизане Петре Щетинкине, а 3 апреля Леонид Мартынов публикует в «Омской правде» статью «Поэт-красноармеец» со словами: «За год военной службы Г.К. Суворов немало вырос...». 11 мая в той же газете прошла публикация первого стихотворения за подписью «Г. Суворов».

С 20 сентября 1941 г. доставленный самолетом на территорию южнее Ладожского озера, рядовой 542 стрелкового полка 4-й гвардейской дивизии Г. Суворов «не выпускал из рук оружия». 4 ноября он был ранен. Записи его фронтовых впечатлений этого периода были потеряны.

После лечения в госпитале, направленный в батальон выздоравливающих в Новосибирске, он встречается с поэтом А.И. Смердовым, которому оставляет две тетради стихов. Часть из них была включена в альманах «Сибирские гвардейцы».

Затем – снова бои, на этот раз на орловском направлении, второе ранение, госпиталь и краткосрочные офицерские курсы. Во время обучения газета Первой резервной армии Западного фронта публикует стихотворение курсанта Георгия Суворова.

Отправляясь к новому месту службы, младший лейтенант Г.К. Суворов посетил редакцию газеты «Красноармейская правда» и оставил А.А. Суркову несколько десятков своих сонетов для опубликования. Оно состоялось, но много лет спустя и лишь частично.

С 20 июля 1942 г. жизнь и творчество Г.К. Суворова снова связаны с Ленинградом и областью. В составе 70-й ордена Ленина (с 16 октября 1942 г. – 45-й Гвардейской) дивизии воюет на Невском пятачке, под Синявино, Колпино, Ивангородом, одновременно печатается в дивизионной многотиражке «За Родину», а также в журнале «Звезда», «Ленинград». На ленинградской квартире у Н.С. Тихонова А. Фадеев принимает от Георгия рукописи нескольких стихотворений с обещанием напечатать их в одном из московских журналов.

Последнее стихотворение Г. Суворов написал менее чем за час до смертельного ранения:

Всегда, везде поэты таковы:
Они срывают яркой жизни гроздь,
Пока с них не сорвали головы!

Говорят, что прах поэта-воина перезахоронен в братской могиле в г. Сланцы Ленинградской области.

Первая и единственная книга Г. Суворова «Слово солдата» вышла в октябре 1944 г., а танковый снаряд разорвался в гуще его взвода бронебойщиков или 13, или 14 февраля.

Полевую сумку с рукописями Г. Суворова в 1955 г. М. Дудин передал в Нарвский городской музей. Подшивки газет времен Великой Отечественной войны хранятся в центральном архиве МО РФ (г. Подольск).

Георгий Кузьмич Суворов – член Союза писателей с 1962 г. Можно утверждать, что воинский коллектив и битвы на фронтах под Ленинградом воспитали из сибиряка Суворова несгибаемого воина, а ленинградский творческий «семинар», руководимый другом и наставником Н.С. Тихоновым, отшлифовал грани его таланта. Формально членом Ленинградского отделения творческого союза страны Г.К. Суворов стал в 1969 г. вместе с рядом других погибших на полях писателей и поэтов.

Апрель 2009 г.

Е. Петров,
сланцевский краевед

ПОЭТОМ БЫЛ, ПОГИБ СОЛДАТОМ

11 февраля операция 2-й ударной армии прошла успешно, но для расширения плацдарма юго-западнее г. Нарвы требовались дополнительные силы. Тогда в действие была введена 45-я гвардейская стрелковая дивизия, в редакции газеты которой служил 24-летний поэт, старший лейтенант Георгий Суворов. Дивизия была брошена в наступление из района Долгой Нивы 13 февраля, Г. Суворова поставили командовать взводом противотанковых ружей и отправили на другой берег реки. Противник все время обстреливал переправу. Когда взвод оказался на середине реки, в центре его разорвался снаряд. Г. Суворов был изрешечен осколками, скончался он в медсанбате в Долгой Ниве. Похоронен Г. Суворов в братской могиле в Сланцах.

Поэт Сергей Наровчатов, служивший в то время в армейской газете 2-й ударной армии и неоднократно встречавшийся с Георгием Суворовым, в своих воспоминаниях выражает горькое сожаление по поводу приказа перевести Г. Суворова из редакции на командование взводом.

«Виной тому чье-то жестокое равнодушие к судьбе талантливого человека», - пишет он в очерке «Поэт на фронте». Он высказывает убеждение, что в газете Суворов мог бы принести большую пользу.

А как отнесся к этому приказу сам Г. Суворов? Мы знаем только, что приказы не обсуждались, и перемену в своей судьбе он принял, как это надлежало офицеру. Он имел боевой опыт, командовал взводом и ротой и считал своим первейшим долгом быть на передовой. Солдатский долг он ставил на первое место.

Старший лейтенант Г. Суворов был храбрым офицером. В 30-й гвардейский стрелковый корпус он попал из госпиталя под Москвой. До этого он служил в панфиловской дивизии.

У Суворова было много друзей и в своей дивизии, и в соседних соединениях. Его любили офицеры и солдаты, им он читал только что написанные стихи. Естественно, что главными его друзьями были молодые журналисты и поэты, его сверстники, чья литературная судьба еще не определилась. Среди них первыми были М. Дудин, С. Наровчатов, а также поэт его 45-й дивизии Петр Ойфа, поэт 123-й дивизии Глеб Пагирев, Дмитрий Хренков. У Ойфы есть стихотворение «Береза у мызы Мустайызэ» (место, где погиб Суворов), посвященное Суворову. В нем он так характеризует своего друга:

Он сам своей строкой поэта
О нашей правде говорил.
Он шел солдатом Правды этой,
Ее Вооруженных Сил.

Он лег под той березы сень,
Свершив свой подвиг настоящий.
И в памяти моей палящей –
Бессмертья друга первый день.

Есть в литературном архиве Суворова стихотворение о русском офицере, посвященное полковнику С.М. Путилову. Некоторые литературные критики считают его одним из лучших в истории военной поэзии. Стихотворение, посвященное другому человеку, как нельзя лучше характеризует самого поэта:

Есть в русском офицере обаянье,
Увидишься – и ты готов за ним
На самое большое испытанье
Идти сквозь бурю, сквозь огонь и дым.
Он как отец, и нет для нас дорожке
Людей на этом боевом пути.
Он потому нам дорог, что он может,
Ведя на смерть, от смерти увести.

Г. Суворов наиболее полно воплощал в себе лучшие офицерские качества. И внешне он был красив, подтянут. Он был храбр и одновременно застенчив. Он не был суеверен, с удивительным спокойствием относился к мысли о возможной смерти, но во многих его стихах есть как бы ее предчувствие. Таким было и стихотворение, подаренное М. Дудину. Последняя строфа его вырезана на мраморе у подножия обелиска, установленного в Сланцах:

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили как люди –
И для людей...

Первым подготовил к изданию сборник стихов Г. Суворова уже после войны М. Дудин. Очень удачно сборник был назван «Слово солдата». О чем писал в своих стихах поэт? О нашей Правде, о трудных солдатских буднях, о ратном труде, о мечтах и надеждах солдат. В стихах Суворова очень удачно сливаются патриотические чувства с любованием природой, с глубоко лирическими переживаниями.

Однажды, прощаясь в прифронтовой обстановке с Дмитрием Хренковым, одним из известных ныне литературных критиков, Г. Суворов сказал: «Знаешь, меня немного страшит время. Уж очень быстро оно течет. Успеть бы написать что-нибудь стоящее...»

Как и многие другие молодые поэты его времени, Г. Суворов не успел написать лучшие свои стихи. Те стихи, которые были найдены в его полевой сумке, оставленной у друзей, лишь проба пера. Но и то, что он успел, не забудется. Ведь это строки талантливо написанной биографии его поколения.

(Петров Е.Н. Река Нарва. Февраль 1944 года. Поэтом был, погиб солдатом [Суворов Георгий Кузьмич (1919 – 1944), поэт] // Знамя труда. – 1982. – 13 февр.)

Ю. Поляков

«Я СЛАВЛЮ ВАС, ГЕРОИ!»

На крутых склонах реки Нарвы, где стоят две старинные крепости, в феврале 1944 года погиб молодой командир взвода противотанковых ружей гвардии лейтенант Георгий Суворов. Не только храбрым воином, прошедшим за три года путь от рядового до офицера, был Георгий Суворов – он был талантливым поэтом. Без его стихов сегодня не обходится ни одна антология, ни один сборник фронтовой поэзии, имя его стоит в одном ряду с именами Н. Майорова, Б. Богатова, М. Кульчицкого, П. Когана и других «юношей 1941 года», не вернувшихся с войны. Первая книга Г. Суворова, «Слово солдата», многократно переиздавалась и пользуется большой любовью читателей, прежде всего молодых.

Посмертно поэту присуждена мемориальная медаль Всесоюзного конкурса имени Николая Островского.

Для того чтобы помнить, нужно знать. Много ли мы знаем об этом человеке? До конца 60-х годов вообще считалось, что все им написанное умещается в тоненькой книжечке. Но вот А. Сурков извлекает из своего архива рукопись Георгия Суворова, содержащую около 60 сонетов, «походных», как назвал их сам автор. Факт, не имеющий аналогий во фронтовой поэзии: к строгой, таящей большие художественные возможности стихотворной форме сонета тогда почти не обращались. Поэт поставил перед собой задачу наполнить классическую форму боевым сражением и выполнить ее:

Сонет – снаряд смертельный по врагу,
Петля врагу кровавому на шею.
Кровь, пламенеющая на снегу.

Но вот сибирский поэт Леонид Решетников находит фронтовой архив Георгия Суворова – своего земляка, архив, который с самой войны, никому не ведомый, хранился в Нарвском городском музее: десятки совершенно неизвестных стихотворений – «Стихи из полевой сумки» (свои рукописи поэт до последнего дня носил в офицерской сумке).

Заинтересовавшись личностью и поэзией автора «Слова солдата», я систематизировал все, что известно о нем. И сразу же обнаружили «белые пятна», стало ясно, в каком направлении вести поиск. Во времени передвигаться оказалось легче: для этого имеются богатейшие книжные и газетные хранилища, архивные фонды. Пространство же есть пространство; пришлось побывать во многих местах, связанных с жизнью поэта, - в Красноярске и Абакане, Ленинграде и Омске, Нарве и Сланцах. Так благодаря материалам, добытым в поездках или разысканным «в пыли вечерних библиотек», все яснее прорисовывалась судьба поэта.

Георгий Кузьмич Суворов родился 19 апреля 1919 года в селе Абаканском Енисейской губернии (ныне Краснотуранское Красноярского края). Будущему поэту выпало нелегкое детство, он рано лишился матери, драматически сложились его взаимоотношения с отцом. «Учился на средства государства», - сообщает он в автобиографии. В 1933 году юноша поступил в Абаканский педагогический техникум; здесь проявляется его художественная одаренность: он пишет стихи, переводит с немецкого языка, который изучал самостоятельно, поет в хоре, рисует.

Абакан – центр Хакасии, земли необыкновенно красивой. Впечатления от ее неповторимой природы яркими красками легли на поэтическую палитру Георгия Суворова. С охотничьим ружьем за плечом он исходил эту землю, не случайно поэтому образ сибирского охотника, образ романтический, проходит через многие его произведения.

Я исходил немало горных троп
Высокого и старого Саяна.
Шел по ущельям хмурым Абакана,
Был постоянным спутником ветров, -

вспоминал поэт на фронте о той поре. Хакасию Суворов считал своей родиной. Абакан назвал «навсегда родным». В его роду по материнской линии были хакасы.

После окончания техникума, Суворов работал учителем в сибирском селе Иудино (ныне Бондарево), в том самом селе, где жил крестьянский мыслитель Тимофей Бондарев, которого Лев Толстой считал одним из своих духовных наставников.

Поэт принимал активное участие в культурно-просветительной работе на селе. Он дружил с такими известными людьми края, как чабан-орденоносец Хоха Чертыгашев, хакасский певец Оралда Кучугешев, сибирский поэт Иван Ерошин. Творчество двух последних несомненно повлияло на становление поэтического голоса молодого учителя. Мне удалось найти некоторые из ранних произведений Суворова. Пусть пока несамостоятельно, по-ерошински, но строки его уже звучат интересно:

День – пулан сереброшерстный
С быстрыми ногами ветра.
С синими глазами неба,
С серыми рогами туч.
День – пулан ветвистрогий.
Жалко убивать пулана,
Протрубившего в горах...

Летом 1939 года Георгий Суворов начал заниматься в литературном объединении при газете «Красноярский рабочий». Но всего месяц с небольшим пробыл он студентом: осенью призвали на срочную военную службу в Омск. Этот период чрезвычайно важен для творческого развития Георгия Суворова: именно тогда он проникся тем высоким смыслом ратного труда, который пронизывает всю фронтовую поэзию; именно в Омске, а не в Красноярске, как считалось ранее, поэт дебютировал в печати со своими произведениями, активно включился в литературную жизнь города. Талант «поэта-красноармейца» (так назывался очерк, опубликованный в «Омской правде») заметил Леонид Мартынов, живший в ту пору там же. В своем очерке он не только проанализировал творчество молодого поэта, но и рассказал о его службе: «Рядовой боец Н-ской

части вынул из кармана шинели немецко-русский словарь, завел речь о стихах Г. Гейне. Боец недавно перевел «Лорелею». Мы говорили о блоковских переводах Гейне. Затем беседа перешла на Лермонтова, Антокольского, Багрицкого, Киплинга, О. Хайяма...». Л. Мартынов первым выделил одну характерную черту: «Георгий Суворов с равным вниманием прислушивается к поэзии народов Запада и Востока». Действительно, на формирование романтического стиля поэзии Суворова воздействовал – и сильно – хакасский фольклор. Именно романтического. Не случайно Суворов назвал одного из ярчайших представителей советской романтической школы, Николая Тихонова, своим «главным поэтом». После публикации очерка Л. Мартынова стихи Георгия Суворова начинают появляться на страницах омской периодики – стихи о родном крае, о героическом прошлом, о советско-финляндской войне, «той войне незначительной», как назовет ее потом Александр Твардовский. Первое стихотворение опубликовано 11 мая 1941 г.

Любопытно, что первые военные стихи Георгий Суворов написал и напечатал, еще не побывав на фронте. С суровым оптимизмом «не нюхавшего пороха» человека он призывал:

На удар – стальным ударом,
Чтобы знали все: не даром
Кровь народная текла.

Подлинные, глубокие слова о великом испытании придут к поэту позже, на передовой, там «где убита в человеке боль». Фронтовая судьба Суворова складывалась следующим образом: с конца сентября 1941 года он защищал Ленинград, после ранения эвакуирован в Сибирь, а с начала 1942 года снова в строю. Недолгое время он провоевал на Орловском фронте, закончил курсы младших лейтенантов, побывал в Москве; с лета того же года Суворов снова в Ленинграде.

Георгий Суворов был храбрым и умелым бойцом, единство призывного слова и ратного дела – вот, по словам людей, знавших поэта, отличительная черта его жизненной поэзии. У защитников Ленинграда пользовалось известностью стихотворение «Чайка», которое в известной степени можно назвать поэтическим кредо автора:

Как полумесяц молодой,
Сверкнула чайка предо мной.
В груди заныло у меня...
Зачем же в самый вихрь огня?

Что гонит? Что несет ее?
Не спрячем серебро свое...

Зачем?..
Но тут припомнил я...

Зачем?..
Но разве жизнь моя...

Зачем?
Но разве я не так
Без страха рвусь в огонь атак?!

И крикнул чайке я:
«Держись!»

Коль любишь жизнь –
Борись за жизнь!»

Стихи эти чрезвычайно понравились Николаю Тихонову. Знакомство, а затем дружба со своим «главным поэтом», долгие разговоры с Тихоновым о поэзии в доме на Зверинской улице дали импульс для стремительного поэтического развития Суворова в 1942 – 1944 годы. В медсанбате смертельно раненный поэт в бреду повторял имя Тихонова...

Трудно среди ровесников Суворова назвать кого-либо еще, так много и ярко писавшего во время войны. «Везде писал. Обо всем писал. И сейчас пишу, - сообщал он в письме к сестре. – Война – это почва, по которой я сейчас хожу. Стихи – это мои вздохи».

И на фронте поэт оставался верен своему романтическому мироощущению, что, однако, не заслонило от него, а значит, и от его читателя истинного лица войны: «Победу нам дадут лишь кровь и боль». Но главной задачей он считал прославление советских воинов – «чернорабочих войны». Многие стихотворения посвящены солдатам и офицерам, свидетелям подвигов которых был сам поэт. Долг поэта перед товарищами по оружию, перед будущими поколениями Г. Суворов видел в том, чтобы «в бою узнав героя, узнать, - как в душу заглянуть, - какой высокой ценою он свой оплакивает путь».

О месте поэта на фронте – стихотворение «Художник», остававшееся долгое время неизвестным. Вкладывая в образ рисующего на снегу бойца автобиографические черты, понятие «Художник» автор берет в самом широком смысле:

Не ждал он ни похвал, ни восхищенья,
Но он торжествовал, когда солдат,
Взглянув на безымянное творенье,
Сжимал свой вороненый автомат.

Талант поэта – певца народного подвига развернулся во время его работы в дивизионной газете «За Родину» в 1943 году. Удалось выяснить, что за семь месяцев журналистской деятельности поэт опубликовал на страницах «дивизионки» десятки стихотворений и прозаических очерков, посвященных лучшим людям соединения, первым на Ленинградском фронте получившего высокое звание гвардейского. Интересно, что очерки – а ведь прозой Суворов почти не занимался – написаны ярким, точным языком: «Июньский день. Солнце кровавым пятном отражается в Неве. На берегах ни души. Тишина. Только изредка где-то в расщелинах берегов поблескивают стекла перископов. В такие минуты фронт молчит. Работают разведчики...».

Перед решающим для снятия Ленинградской блокады наступлением Суворов возвратился в взвод противотанковых ружей. А, как известно, работа бронбойщиков на войне одна из самых опасных. «Командую бронбойщиками, - писал Суворов в письме, - и выполнил с ними ряд сложных боевых заданий... Мне довелось испытать величайшее счастье – быть среди тех, кого обнимали и целовали избавленные от горя ленинградцы. Страшное это было счастье! Чтоб почувствовать все это, надо быть здесь. Стихов пока я не пишу. Но какие я буду писать стихи, когда кончится бой!» Поэт, обогащенный духовным опытом, обретенным на фронте, вступал в пору зрелости. «В последних стихах Георгия Суворова, - пишет встречавшийся с ним на Ленинградском фронте Сергей Наровчатов, - разлита такая мудрая и всепобеждающая сила, что трудно поверить в их принадлежность молодому человеку, почти мальчику». Особенно это относится к написанному в самом конце 1943 года стихотворению «Еще утрами черный дым клубится...»:

Еще утрами черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,

Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день – мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь откроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло!

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили как люди -
И для людей...

Последние две строчки стихотворения, в которых «заклочена скорбная самооценка всего поколения», Сергей Наровчатов называет их «поистине великими». Да, слова Суворова стали крылатыми. Но до сих пор было неизвестно другое: в Нарвском городском музее сохранился иной, более полный вариант этого знаменитого стихотворения, куда входят строфы, посвященные Сибири. Нужно сказать, что мотив возвращения в «сереброоую Сибирь», мечты о таежной охоте свойственны всей фронтовой поэзии Суворова. Не обошел, оказывается, этой темы поэт и в своем лучшем стихотворении. В «нарвском варианте» стихи посвящены Михаилу Дудину и представляют собой своеобразное послание, в котором, обращаясь к своему фронтовому товарищу, поэт мечтает о мире:

А я охотник, я былую славу
Припомню и ружье свое возьму...

Потом вперед. И, где-нибудь заметив
Мелькающее пламя кабарги,
Схвачу ружье... Багряный легкий ветер
Качнет густые облака тайги.

И я скажу: «Однако был точнее,
Однако раньше бил наверняка».
...Передо мною встанет вновь траншея,
Затянутые тьмой зрачки врага.

Поэт так и не дождался выхода своей первой книги. Названная по его желанию «Слово солдата», она была собрана и издана Николаем Тихоновым и Михаилом Дудиным через несколько месяцев после гибели автора. Маленького формата, как раз чтобы уместиться в нагрудном кармане гимнастерки.

«Его стихи, рожденные в огне боев, - писал Тихонов в телеграмме ветеранам дивизии, в которой служи поэт, - звучат сегодня как голос подлинной поэзии, боевой, правдивой, обещающей... Стихам Георгия Суворова суждена большая, хорошая жизнь... Свой короткий добрый век он прожил для людей. И люди его не позабудут».

Знаменитые строки Суворова «Свой добрый век мы прожили как люди - и для людей...» высечены на мраморной плите у обелиска над братской могилой в городе Сланцы Ленинградской области, где похоронен поэт.

Предлагаю вниманию читателей ряд стихотворений Георгия Суворова, обнаруженных в сибирской и военной периодике, а также в архивах.

ТРОПА ГЕРОЯ

Между сосен, мрака и камней
Тянется заросшая тропинка.
Здесь под гром берданок и мечей
Красных партизан-богатырей
Вел на колчаковцев Петр Щетинкин.

Жеребец твердокопытный, гордый
По тропе сквозь предрассветный мрак
Мчал его, поматывая мордой
И дробя копытом щебень твердый...
Мчал к Саянам, где стоял Колчак.

Словно крылья горного орла,
Раздувалась на ветру боргатка.
На усах у командира мгла,
Очи – черная смола.
В сердце молодецкая ухватка.

Видал он: среди огня и гула
Извивалась по хребтам тропа...
Плеткою лога перехлестнула,
Подступала к сердцу есаула
По его увертливым стопам.

Подступала не тропа – аркан.
Земляная плеть... И, багровея,
Из-под ног усталых партизан
Выскользнув, летела в глубь Саян,
Колчаковцам свертывая шею.

Утекло воды уже немало
С тех времен, как на тропинке той
В дебрях человека не бывало.
И тропинка в зарослях пропала,
Чтоб ее не вымыло водой,

Чтоб живую память сохранить
О своем отце орлинооком,
Чтобы в нужный час себя открыть
Для героев и помочь душисть
Тех, кто скроется в лесу глубоком.

Между сосен земляным арканом
След героев под травой пропал.
И цветы в сиянии багряном
Тянутся к задумчивым Саянам,

Где была военная тропа.

1940(?)

***

Ползу, ползу. Предо мной,
Одетый рыжею листвою,
У леса притаился дот.
Ползу. И кажется, сейчас
Откроется квадратный глаз –
И воздух молния прошьет.
Ползу. И кажется, вот-вот
От гула треснет небосвод
И вихрь гремучего огня
Смешает с глиною меня.
Но... я, припав к земле, ползу
Под мрак грозных амбразур.
Огонь заснул в руках моих.
Лишь только шаг, лишь только миг –
Рвану змееобразный шнур.
И хлынет на цветной покров
Из тьмы глубоких амбразур
Врага коричневая кровь.
Я взрою тьму. Я свет плесну
В весеннюю голубизну.

1941(?)

ПОЛНОЧЬ

Я помню полночь, полную тоской.
На набережной ни души.
Туманные дома передо мной.
Слепые этажи.

Давно забыт и выветрен покой,
И в огнестрельных ранах тьма.
Одни дома... дома передо мной,
Громадные дома.

Я помню полночь, полную тоски,
Я помню боль моей души.
Как будто плыли над седой Невой
Слепые этажи.

1943(?)

***

Плыли, плыли.

А гармонь
Рассыпалась серебром.
Твоя белая ладонь
На виске моем.
Плыли,плыли.
Тишина.
Лишь звенят, цветут меха.
Да зеленая волна
Гладит берега.
Плыли,плыли.
И весла
Я рукой не шевелил.
Вот какая ты была,
Вот такой я был.

1943(?)

ТАК БЬЕТ КОММУНИСТ

Последние патроны в автомате.
А немец наседает, немец прет.
Сухие пальцы тянутся к гранате,
И тонет в гуле желтый сон болот.

И так весь вечер пламя, землю горбя,
Метет своим багровым языком.
И вязнут немцы в рыхлом ржавом торфе
Перед своим отчаянным броском.

А в час, когда живым крылом рассвета
Багровый ветер сдвинул стену тьмы,
Лишь только по партийному билету
Средь вражьих тел его узнали мы.

1943.

(Поляков Ю. Я славлю вас, герои! // Дружба: лит.-худож. альманах. - М., 1981. - № 3. - С. 138 - 145)

М. Дудин

ИЗ ПОВЕСТИ «ГДЕ НАША НЕ ПРОПАДАЛА»

Он был родом из Хакасии, лихой и подвижный, с хитроватым прищуром узких глаз, с редкими, но щеголеватыми усиками на загорелом круглом лице.

Он был обаятельным и бесшабашно храбрым парнем. В наш корпус он попал после госпиталя из-под Москвы, из Панфиловской дивизии. Во время атаки противопехотная мина

попала Гоше в грудь и застала между ребер. Застряла, но не разорвалась. Раздумывать было некогда. Гоша сам вытащил ее и отбросил в сторону. Из атаки он не вышел и только потом попал в госпиталь от потери крови.

Мы встречались с ним в полку или в редакции, а чаще всего на шестом этаже в доме номер два по Зверинской улице, на квартире у Николая Семеновича Тихонова. У Суворова был необычный выговор. Когда он читал стихи, создавалось впечатление, будто он грызет кедровые орехи. Николай Семенович, бывший кавалерист и альпинист, продубленный ветром, худой и костистый, как будто в нем были только одни сухожилия да кости, глазами всегда смотрел на Суворова восхищенно, угадывая в нем и талант, и характер.

Суворов писал много. Он мыслил стихами. Он не печатал стихи. Он записывал их в самодельные тетради карандашом на случайных перевалах. Почти каждое стихотворение он от щедрой души посвящал кому-нибудь из товарищей. А в товарищах у него была вся дивизия.

Ему предлагали пойти работать в газету. Он отказался. Он хотел драться в строю с оружием в руках. Это была его стихия. Из-под Кингисеппа он на денек заскочил в Ленинград. Он зашел за мной, и мы, прихватив полковую бабушку, пошли в филармонию на концерт Марии Вениаминовны Юдиной, высокой худой женщины в черно-белом одеянии, похожей на пингвина.

- Больше всех я завидую композиторам и музыкантам, - сказал Гоша.

- Почему?

- Их не надо переводить на другой язык. Они понятны всем без перевода. Хочешь, я тебе подарю? – и протянул мне вчетверо сложенный лист бумаги.

В этот же вечер он отправлялся под Нарву в свой взвод противотанковых ружей.

Через день из штаба мне принесли телефонограмму: «Суворов погиб. Его полевая сумка у Черноуса в редакции».

Я развернул вчетверо сложенный лист бумаги и прочел подаренные мне стихи:

Еще утрами черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем,
И падает обугленная птица,
Застигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день - мы выпьем боль до дна,
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро
Как быстро наше время протекло!

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили как люди -
И для людей...

В полевой сумке Суворова я нашел три тетради. Четыре раза выходила потом его книга «Слово солдата», из которой сам Гоша не видел ни одного своего стихотворения в напечатанном

виде. Он не заботился об этом, он торопился сказать. И то, что он сказал, звучит как реквием всем погибшим и как напутствие всем живым. Слова:

Свой добрый век мы прожили как люди -
И для людей...

– можно написать на судьбе всего нашего поколения.

(Дудин М. С новым рассветом встает тишина // Дудин М. Где наша не пропадала: повесть: глава тридцать третья // Дудин М. Где наша не пропадала: повесть и рассказы. – Л.: Лениздат, 1979. – С. 146 – 148)

М. Юдалевич

[ГЕОРГИЙ СУВОРОВ]

Ливертовский, Копыльцов и я выступали в воинской части. Читали стихи солдатам.

Политрук сказал:

- У нас есть один парень – пишет. Он тоже хотел бы выступать.

Парень оказался высоким, стройным, по-армейски подтянутым. И стихи такие же – ясные, звонкие. Читал их не нараспев, как большинство поэтов. Читал строго, напористо, хмурия темные вразлет брови, чеканя, как гвозди вбивая, слова.

Но стихи были не армейские – о природе, о детстве. Запомнились строки одного, хакасского:

А гора высока,
Высока.
А под ней облака,
Облака.
А дорога крута,
Крута.
И зовет высота,
Высота.

На каждом литературном вечере – и самом скромном, какой мы тогда могли провести, и самом большом – кто-то один завоевывает самые большие симпатии слушателей. В тот вечер целая буря аплодисментов выпала на долю молодого поэта в красноармейской форме. Его заставляли читать еще и еще.

- Товарищ политрук! Разрешите обратиться, - попросил он после чтения. – Разрешите проводить товарищей поэтов.

Политрук разрешил.

Так познакомились мы с Георгием Суворовым. Это было в 39-м году. По выходным, да и на неделе, он часто приходил к нам. Правда, время у него было ограничено. Чуть с первых минут начинал поглядывать на часы.

- Завидую вам. Не пришлось поучиться в институте, а тоже собирался. Из педтехникума в армию взяли. Ну, ничего, отслужу – наверстаю. Прямо в Москву, в Литинститут подамся. Как думаете, примут?

Приносил новые стихи. Иногда рассказывал о своем детстве, юности, прошедших в горах, в тайге. Об охотничьих тропах, на которых ему почти всегда сопутствовала удача.

Георгий любил слушать и постоянно заставлял Юзика читать, особенно раннего Тихонова. Это был его «главный поэт».

Ни он, никто из нас не мог предполагать, что через четыре года военная служба, забросив Суворова в Ленинград, сведет его с Николаем Семеновичем Тихоновым и что большой русский поэт напишет о нем: «Он любил свой далекий сибирский край... Он писал стихи в блиндажах, в окопах, перед атакой, на отдыхе под соснами, расщепленными осколками бомб и снарядов. У него не было времени отделывать стихи, не было времени думать об отвлеченных темах. Он писал свои строки как дневник о непрерывной борьбе с врагом, писал с предельным волнением патриота, настоящего сына замечательной родины, с упорством молодого большевика, с жаром подлинного энтузиаста. Он влюбился в Ленинград горячей юношеской любовью. Он обходил его улицы и сады в редкие дни отпуска, и столько хорошего было в этом юном сибиряке, столько пылкости и неистраченных сил».

Георгий был младше всех нас. Николая Копыльцова – на два года, нас с Иосифом – на год. Но жизнь знал лучше. Сказывались нужда, лишения, перенесенные в детстве. Он был сыном крестьянина-бедняка. Отец и мать умерли, когда Гоша еще учился в школе.

На редкость энергичный, собранный, он был из тех людей, что берут за бороду бога.

Как-то мы с Копыльцовым пришли на лодочную станцию. Но все лодки оказались на воде, свободной не было.

- Гоши нет, - пожалел Коля. – Он бы придумал что-нибудь. В крайности, плот бы сколотил.

Юзик получил письмо из журнала «Смена». Критик писал, что можно выдать подборку его стихов. Но «недостает одного-двух ярких гражданственных стихотворений».

Иосиф возмущался. Не понимают, что лирика не нейтральна, что соловей – тоже антифашист.

А Георгий предложил выход:

- Пошли пару моих. Я тебе подарю.

Мы долго смеялись. Больше всех – Копыльцов:

- Я же говорю, плот бы сколотил.

Уехал учительствовать Копыльцов, ушел в армию Юзик, и Гоша стал появляется все реже.

- С увольнительными туго, - говорил он. – И вообще все время в походах, на тактических учениях, на боевых стрельбах.

Началась Отечественная. Копыльцов писал мне: «Как разметала нас война. Где-то теперь Юзик. Тревожно за него. За Гошу меньше. Уверен, Гоша вернется героем».

А от самого Георгия я получил всего одно письмо, в ноябре сорок третьего.

Он писал о том, что командует взводом и солдаты его «дают фашистам прикурить, дают концентрату». Жаловался: давно не пишет Юзик. И в конце письма сообщал, что под Ельней был ранен в грудь осколком снаряда. «Осколок попался здоровенный, и я сам его выдрал».

- Похоже на Гошу! – подумалось мне.

В письме новое стихотворение «Косач». На войне, отдыхая после боя, поэт увидел чернокрылую птицу.

Земляк! И предо мною кедрочей,
Как бы сквозь сон, сквозь шорохи лесные,
Я слышу ранний хохот косачей.
Так, вспоминая, в голубом томленьи,
Глаз не сводил я с полулунных крыл...
Легла винтовка на мои колени, поднять ее мне не хватило сил.
Да и зачем? Мой выстрел, знаю, меток,
Но птица пусть свершает свой полет.
Охотник я. Я знаю толк в приметах:
Кто птицу бьет, тот зверя не убьет.

Перечел и подумал, что суровые испытания повлияли на Георгия иначе, чем на Иосифа. Хотя Суворов в одном из своих стихотворений пишет: «Мы стали молчаливей и суровей», - стихи его сделались мягче, лиричнее.

В армейской семье, в суровых буднях каждый обретал то, чего ему не доставало.

Гоша не вернулся героем, как предполагал Коля. На этот раз удача изменила ему. Гвардии лейтенант Георгий Кузьмич Суворов погиб в боях на реке Нарове 13 февраля 1944 г.

После войны я прочитал поэму Александра Смердова «Пушкинские горы», посвященные памяти поэтов-воинов – Георгия Суворова и Бориса Богаткова. Есть там строки:

И вот сейчас, в огне, в бою,
Всей жизнью с нею связан,
Увидел землю он свою,
Как не видал ни разу.

Я вспомнил их, когда читал посмертно изданную книгу стихов Георгия Суворова «Слово солдата».

Это – стихи о войне, но также, как в «Косаче», и о Родине, главным образом о Сибири, о том, что поэт всей жизнью с нею связан. Он пишет о снайпере, а «над мушкою дым – соболиный хвост», он идет в разведку и у корня срубленной сосны замечает бруснику, сибирскую таежную ягоду. И брусничные зори в траве для него, как далекий привет из родной Сибири...

(из статьи: Юдалевич М. «Лобастые мальчики» революции: воспоминания о Георгии Суворове, Иосифе Ливертском, Николае Копыльцове // Сибирские огни. – 1970. - № 5. - С. 158 - 162)

В. Утков

ПИСЬМА ГЕОРГИЯ СУВОРОВА ЛЕОНИДУ МАРТЫНОВУ

Леонид Мартынов познакомился с Георгием Суворовым в первой половине 1940 года. Суворов тогда служил в охране военных складов на окраине Омска. Он появлялся на литературных вечеринках Омского объединения писателей и журналистов. Держался скромно, садился обычно где-нибудь в уголке, молча слушал, что говорили выступавшие, сам же никогда не выступал и не задавал вопросов. Но однажды, смущаясь, робея, осмелился – передал Леониду Мартынову небольшую тетрадку со своими стихами. Так началось их знакомство.

Мартынов был вторым крупным поэтом, с которым Суворов встретился на своем коротком жизненном пути. Первым был Иван Евдокимович Ерошин, лирик, тонко чувствующий природу, знаток поэтического творчества малых народов Сибири. С ним Суворов познакомился в Красноярске. Стихи, которые передал Суворов Мартынову, несли на себе явную печать подражательности Ерошину, творчество которого Мартынов знал хорошо. Вместе с тем в стихах юного поэта-красноармейца Мартынов уловил и проблески настоящего таланта. Мартынов, без скидki на молодость и неопытность автора, - он всегда поступал так в подобных случаях, - прямо сказал о недостатках стихов и дал несколько практических советов.

Жизнь не баловала Суворова, все давалось ему нелегко. Еще мальчиком, оставшись без родителей, ему приходилось заботиться о младшей сестре, учиться и работать, жить порой впроголодь. Но главное было не в этом, - многим из нас в те годы приходилось испытывать житейские трудности, - главное было в том, что с юных лет Суворов носил в себе клеймо

человека, лишённого политического доверия. Из-за этого его не приняли в комсомол, осложнилось получение им образования. Все это он переживал крайне болезненно, тяжело. Мы знали, что это было связано с судьбой его отца, с которым он расстался еще в детстве, но подробностей он не рассказывал.

В Омске Суворов вошел в литературную среду города. Выступал вместе с местными писателями в городских клубах, школах, воинских частях. В Омске он впервые увидел свои стихи, напечатанные в газете.

21 марта 1941 года наше литературное объединение совместно с редакцией областной газеты «Омская правда» организовало в городском Доме Красной Армии товарищеский вечер Георгия Суворова. Вступительное слово о нем сказал Леонид Мартынов. Суворов читал свои стихи на армейские темы и небольшой отрывок из будущей поэмы о сибирском партизане Петре Щетинкине, действовавшем в гражданскую войну в местах, хорошо знакомых Суворову, - на юге Красноярского края. Л. Мартынов в статье «Поэт-красноармеец», напечатанной в газете после этого вечера, писал: «За год военной службы Георгий Суворов немало вырос... Старый лирик Иван Ерошин должен радоваться за своего друга – ерошинские мотивы теперь почти не звучат в стихах Суворова. Учитель должен быть доволен учеником, ищущим творческую самостоятельность».

Мартынов все больше уделял внимания Георгию, между ними завязалась настоящая дружба. Встречались с Суворовым чаще всего у меня. Тогда Мартынов вместе с женой, Ниной Анатольевной Поповой, обитал в закутке без окна, где помещались только кровать, стул и тумбочка (на которой, кстати, он написал все свои широко известные поэмы и многие стихи). У меня же комната и довольно большая домашняя библиотека...

Суворов был жадным читателем, книги влекли его неудержимо. Он напоминал иссохшую землю, которая впитывает в себя влагу и никак не может насытиться. Едва начав учиться в Красноярском педагогическом институте, он был призван в армию и теперь стремился вобрать в себя как можно больше знаний, наверстать упущенное. Его интересовало все: биология и физика, история и математика, поэзия и философия. Писал много стихов, задумал несколько поэм, пытался переводить Гейне и Уайльда, в карманах шинели носил словари, стараясь использовать каждую минуту для совершенствования в знании языка. Книгу, не знакомую ему, он брал бережно, словно сокровищницу, таившую в себе богатства. Очень мне запомнилась его встреча с «Трактатом об отпущениях» Этьена Кондильяка, только что появившимся на русском языке. Увидев эту книгу у меня, он немедленно заинтересовался незнакомым ему автором, окинул взглядом оглавление, перелистал авторское предисловие и буквально впился в книгу, просматривая страницу за страницей, ничего уже не замечая вокруг. Потом взглянул на меня какими-то растерянными глазами и сказал:

- Это же обо мне!... Это я, как та статуя, которую оживлял Кондильяк... - Он бережно вернул книгу на место. - Я ведь только сейчас начинаю видеть, слышать, осязать многое и многое, что раньше и не ощущал... Отслужу, буду обязательно учиться.

Учиться Георгию не пришлось. Началась война...

На четвертый или пятый день войны Георгий пришел ко мне на Кузнечную улицу, где я тогда жил. Подтянутый, туго подпоясанный широким солдатским ремнем, широкоплечий, с небольшой, коротко стриженной головой, кирпичным румянцем на щеках, он был полон нерастроченной, уверенной в себе силы.

Мы не говорили в этот раз о расставании. Это было ясно и так. Воздух был насыщен расставаниями. Многое нам виделось по-другому, чем было в действительности. Путь к победе казался близким, мы спешили вступить на него, успеть внести свой вклад в победу. Георгий ждал отъезда из Омска, вопрос уже был решен, а я, не служивший ранее в армии, подал заявление в военкомат. Мы беседовали о наших замыслах, о начатом и незавершенном, о книгах, старых и новых...

По улице мимо дома, сотрясая его стены, - дом был старый, деревянный, - прошла колонна тяжелых военных машин с грузом, плотно упрятым под новеньким брезентом.

- Когда? - спросил я.

- Я должен вернуться в двенадцать ноль-ноль...

Потом мы пошли к Мартыновым на улицу Красных Зорь, где они жили в небольшом деревянном домике, построенном еще в конце минувшего века.

Леонид и Нина Анатольевна были дома. Мартынов, примостившись у тумбочки, что-то писал, вероятно, очередное задание газеты. Теперь почти в каждом номере омских газет появлялись его стихи, заметки, очерки.

Мартыновы были рады приходу Георгия. Ему уступили стул, а мы вдвоем примостились на кровати. Мартынов, как всегда при встрече с Суворовым, спросил, принес ли он новые стихи? На этот раз стихов не было. Георгий сказал, что он пришел проститься, а стихи пришлет по почте, как только будет возможность.

- Обязательно присылайте, - сказал Мартынов. – Присылайте на домашний адрес, если не я, то Ниночка получит и передаст мне.

Прощание было коротким. Нина Анатольевна поцеловала Георгия в лоб, как мальчика, и мы проводили его до трамвайной остановки.

Пока трамвай не скрылся за поворотом, мы видели Георгия. Он стоял у окна и смотрел на нас, сняв пилотку и держа ее в руке. Лицо его было серьезно, казалось старше, чем было... Кольнула мысль – не последняя ли это наша встреча?... Погрустневшие, мы пошли от трамвайной остановки...

Через полмесяца я уехал на Дальний Восток, в приморские части, и долгое время у меня не было постоянного адреса. Мы потеряли друг друга. Только после войны я узнал, что Георгий был тяжело ранен 13 февраля 1944 года при форсировании реки Нарвы, близ древнего Ивангорода. На следующий день он умер от ран. Ему не было еще и 25 лет.

Казалось, ушел он навсегда и будет жить только в своих стихах и в памяти немногих друзей. Но бывают в жизни чудеса – недавно я словно вновь услышал его голос, прочитав фронтовые письма Георгия Суворова, адресованные Леониду Мартынову. Они хранятся в домашнем архиве поэта.

С их страниц встал облик Суворова в дни тяжелейших испытаний, его характер отважного воина-патриота, его преданность поэзии, его мечты. Письма написаны на клочках бумаги, вырванных из школьных тетрадей или из блокнотов, торопливым почерком, карандашом. Они хранят дыхание тех грозных дней.

Нам, отошедшим почти на полвека от военных лет, но всегда хранящим память о них в душе и в сердце, имя Георгия Суворова – человека, воина, поэта – неизменно будет дорогим. Каждый штрих его чистой жизни бесценен. А молодым, тем, кто, к счастью, не испытал тягот военных лет, светлый облик поэта-воина, честно прошедшего свой ратный путь, будет примером служения родине и поэзии.

(Письма Георгия Суворова Леониду Мартынову / публикация В. Уткова // Звезда. – 1988. - № 9. – С. 169 – 173)

А. Сурков

О «СОНЕТАХ ГНЕВА»

Случилось так, что после перемещения на восток в октябре 1941 года московских литераторов, не связанных с армией, группа писателей, состоящих сотрудниками газеты Западного фронта «Красноармейская правда», стала неожиданно для себя центром притяжения для пишущих людей, по тем или иным обстоятельствам заброшенных в прифронтовую Москву.

В начале 1942 года появился в нашей редакции поэт-солдат Леонид Решетников, сквозь чьи молодые стихи уже разглядывался контур будущей поэтической индивидуальности. Его стихи наряду со стихами других наших гостей дебютировали перед сражающимся на подступах к столице фронтовым читателем в собранных нами книжках «Фронтовые стихи».

Не припомню, то ли в конце марта, то ли в начале апреля ко мне пришел редакционный дневальный и спросил, можно ли пропустить лейтенанта, который хочет ко мне пройти.

В комнату, где мы работали, вошел молоденький лейтенант, вся наружность которого говорила о доброй армейской выучке и повадках бывалого солдата. Чуть-чуть подчеркнуто щелкнув каблуками, он отчеканил:

- Товарищ старший батальонный комиссар, разрешите обратиться. Я лейтенант Георгий Суворов, воюю и пишу стихи. Можно Вам их показать?

Так началось мое кратковременное знакомство с человеком, которому кусок вражеского смертельного металла, настигшего его где-то возле Нарвы, помешал войти в поэзию и, несомненно, занять в ней свое, особое место.

В те времена знакомства завязывались быстро. Уже через несколько минут я и мои товарищи досконально знали все подробности биографии нашего гостя: где он работал до войны, какую военную школу он окончил, на каком фронте воевал, где и как был ранен, где лечился и куда сейчас несет его солдатская судьба. А судьба несла его на один из труднейших участков войны - на Ленинградский фронт.

Георгий вынул из мешка папку, в которой находилась машинописная тетрадь, озаглавленная «Сонеты гнева». Из этой тетради он читал нам стихи, один сонет за другим, мы слушали его не перебивая, не останавливая, чувствуя, что он, очевидно, впервые в жизни читает стихи профессиональным поэтам и весь напряжен, как туго натянутая струна.

В написанных нетвердым поэтическим почерком строках сонетов, где не всякое слово стояло на своем месте, где поэтическая неопытность мешала автору бороться с обычными слабостями первых поэтических опытов, все же отчетливо от сонета к сонету проступали черты складывающейся творческой индивидуальности. Сквозь неумелые и неровные строки слышалось биение сильного солдатского сердца, испытанного в огне первых тяжелых битв этой

нелегкой войны; чувствовался тот свойственный всей нашей поэзии тех месяцев суровый гуманизм, в котором ненависть к врагу безраздельно слилась с неистребимой любовью к своим людям, своей земле, ко всему, на что посягнул враг.

Мы слушали, и нас не могли не волновать тогда, в самую жестокую, самую хищную полосу войны, строки о весенней грозе:

Чем яростней весенняя гроза,
Тем шире открывает мир глаза
С надеждою на близкую победу;
Тем будет ярче молния мерцать,
Тем больше света у людей в сердцах:
Борьба вздымает радости побеги.

В ту весну, когда мы только что оттолкнули гитлеровцев от Москвы, и когда казалось, что с весной начнется половодье нового общего наступления, западали в душу строки:

Идет весна. Пускай еще грознее
Рокочут бури, реют облака,
Чуму и смерть над светлым миром сея.
Идет весна, и мстителем за нею
Земля, неукротима и строга,
Вздымается, от гнева пламенея ...

Георгию надо было вечером уезжать к месту назначения. В скромных масштабах нашего тогдашнего гостеприимства мы поделились с ним пайком нашего ежедневного «горючего», напоили чаем с сухарями, и он ушел из редакции, не оставив нам даже адреса, так как сам не знал, куда его пошлют кадровики.

Тетрадь «Сонетов гнева» он оставил мне в уповании на то, что, может быть, некоторые сонеты могут быть напечатаны или в газете, или в сборниках «Фронтовые стихи».

Прошло много лет. Разбирая в прошлом году свой обширный и достаточно беспорядочный архив военных лет, я натолкнулся на рукопись «Сонетов гнева», перечитал их, и передо мной как живой встал их автор, первая встреча с которым оказалась последней.

И теперь, когда прошла уже четверть века с тех пор, как написаны были «Сонеты гнева», я счел долгом своей совести предложить обнародовать сонеты из этого сборника.

Пусть эта публикация будет знаком неизменного уважения живых к светлой памяти тех, кому не посчастливилось дойти до того солнечного дня, который мерещился им в черном дыму невзгод первых дней и месяцев большой войны. Пусть будет вечно светла их память!

(Сурков А. О «Сонетах гнева» // Электронный справочник по предмету «Литература Красноярского края». – Режим доступа: http://mmc.krsnet.ru/resource/cor/literatura_kk/p25aa1.html)

Л. Решетников

К ПОРТРЕТУ МОЕГО РОВЕСНИКА

Свой добрый век мы прожили, как люди,
И для людей.

Эти слова на чугунной плите обелиска, возвышающегося над братской могилой в г. Сланцы, где похоронен и Г. Суворов, заканчивают одно из последних стихотворений поэта и подводят черту под всем, что было сделано им, поэтом и воином, за его недолгую, но яркую жизнь.

Слова эти, написанные за несколько дней до гибели, были не только пророческими. Они предельно точно, емко и эмоционально выразили всю суть прожитой им жизни и свершенного подвига. Эти слова были написаны не только Воином, но Поэтом!

Г. Суворов начал писать за несколько лет до войны, но сформировался как поэт, накопил определенный нравственный и литературный опыт во время войны. Можно сказать еще точнее: он стал поэтом к сорок третьему году. Именно в это время появляется несколько подборок его стихов в «Звезде» и «Ленинграде», завязываются и крепнут его связи с Н. Тихоновым, А. Сурковым, М. Дудиным, вынашивается план первой книги.

Если сейчас неторопливо перелистать страницы книги, получившей название «Слово солдата», впервые изданной в Ленинграде усилиями М. Дудина и Н. Тихонова вскоре после гибели поэта, а также другие найденные недавно его стихи - в глаза непременно бросится одна особенность: удивительная цельность мировосприятия поэта, цельность его собственного внутреннего облика, слитность поэтических строк - при всей их литературной неравноценности и незавершенности - с обликом человека и воина.

И когда он пишет:

И раздался гром. Над бездной черной
Золотые звезды расцвели,
И упали крохотные зерна

Искрами, и грудь мою сожгли, -

мы знаем, что это так и было - именно его, поэта, грудь «сожгли» огненные «искры» осколков («Когда осколок вражеской мины вонзился ему в грудь и он сам вырвал его, и хлынула горлом кровь, то он стиснул зубы, чтобы не проронить стона» (Н. Тихонов)), и уже не удивляемся тому, с какой точностью описано это трудно поддающееся описанию мгновение!

Таких строк, с документальной точностью и вместе с подкупающей поэтической достоверностью воспроизводящих суровый быт войны, состояние души воина, его мир раздумий и переживаний, в стихах Г. Суворова немало.

С известной долей допущения можно сказать, что он не писал, а записывал. Именно в этом и признается он сам в одном из лучших стихов:

Средь этих нив я собирал слова,
То пестрые, как вешняя долина,
То строгие, как горная вершина,
То тихие, как на заре трава ...

Но еще более важно для нас другое признание, содержащееся в этих стихах:

Средь этих нив я создал жизнь свою.

Признание в том, что его, человека и поэта, сформировала война.

Г. Суворов был офицером и высоко ценил это звание. Не случайно, как никто другой из поэтов, он постоянно держит в поле поэтического зрения образ офицера, Многие стихи он посвящает своим друзьям-офицерам. Он задумывает стихи об офицерском мужестве, доблести и чести. И, наконец, пишет большой цикл (больше сорока стихотворений!) об офицерах дивизии под общим названием «Гвардейская доблесть». Каждое из этих стихотворений имеет свой точный адрес, посвящено конкретному лицу. Многие из них как стихи живы и до сих пор. Стихотворение «Есть в русском офицере обаянье», посвященное полковнику Путилову, заканчивается словами, которые звучат точно, значительно и афористично и сейчас:

Он потому нам дорог, что он может,
Ведя на смерть, от смерти увести.

Не внешний блеск, а высокий нравственный облик – вот что искал он в офицере, когда писал его портрет. И не случайно в другом стихотворении, посвященном офицеру А. Четверикову, поэт прямо говорит:

Нет! Не побед последних шум,
Не богатырскую огромность, -
В тебе я славлю трезвый ум
И человеческую скромность.

Г. Суворов, как немногие другие, знал, что война - это не только отвага. Это прежде всего изнурительный труд. Но вместе с тем он знал и «упоение в бою». Стихи:

Целую матовый клинок,
Клинок мой обоюдоострый,
Пред тем, как брызнут боя звезды
На перекрестье двух дорог, -

говорят именно об этом.

Это же свидетельствуют и стихи, посвященные Н. Тихонову:

Я пью огонь, живой огонь отваги.
Я пробую клинок. Я - вновь солдат...

Долг, честь, мужество, верность - вот главные мотивы стихов Г. Суворова. Однако было бы опрометчиво считать, что его лира знала лишь трубный глас горниста полкового. Это не так. У Г. Суворова были и другие стихи. А главное - то, что его стихи, казалось бы, сугубо воинские, интересны были отнюдь не только людям, одетым в армейскую шинель. И не только тогда, когда гремела война. Это потому, что стихи написаны художником. И этот художник - во многом лирик.

Час отдыха!.. О, редкий тихий час
Среди боев, снегов и бездорожья ...
В лесу, у стога сена, у остожья
Мигал огонь, как робкий синий глаз.

Или:

Брусника каплей крови предо мною
Горит у корня срубленной сосны.

Во многих стихах Г. Суворова просвечивает одна особая окраска, один оттенок. Оттенок этот принесен им из Сибири, из края его детства и юности, которые, как бы они ни сложились, не были отторгнуты от пленяющей красоты сибирской природы. Этот оттенок окрашивает многие его стихи. Вот стихотворение «Лицом на запад»:

Закат, как гребень глухариный,
Над дальним лесом кровь струил ...

Или в другом стихотворении:

Вот комочком голубого дыма
Белка пронеслась во мгле ветвей.

Или еще:

И над мушкою - дым,
Соболиный хвост...

Считалось, что у Г. Суворова не было стихов о любви.

Однако последние разыскания показали неверность этого предположения. В конце 1942 - в течение 1943 г. он пишет несколько циклов о любви: «Первый снег», «Сны», «Во имя любви». Название одного из этих циклов - «Первый снег» - он хотел даже одно время перенести на обложку своей книги.

Правда, стихи эти носят пока еще разведывательный характер. И это понятно: нравственный опыт любви сложнее и тоньше прочего житейского опыта и приходит к человеку позднее, часто - после самой любви.

Поэтому почти все эти стихи предстают как стихи-воспоминания о первой юношеской любви или о намеке на любовь. И все же чувство это, пробудившееся в грохоте боя, неистребимо живет в сердце поэта, поет в нем даже тогда, когда он находится на опаснейшем задании, в разведке:

И веток радужные дуги,
Над серебром снегов скользя,
Мне вдруг напоминают руки,
Которые забыть нельзя ...

Следует отметить еще одну особенность этих стихов.

Они, как и заключенные в них чувства, сдержанны. Но это не скованность одетого в шинель человека. Это - целомудрие природы цельной и нерастраченной.

В мечтах - себя тревожу я.
Во сне - тебя целую ...

Только это и мог он успеть и позволить себе...

В одном из последних стихотворений поэта - «Я славлю вас, герои ... » - есть слова, которыми он сам характеризует свою суть:

Когда ж найдут меня среди мертвых тел,
С улыбкой грустной кивнут на ветер:
Он весело страдал и жарко пел ...

С этими словами нельзя не согласиться: действительно, он и страдал весело, и пел жарко. И пусть кое-кому с вершин последних достижений в области чистой поэтики (иногда, впрочем, весьма призрачных) некоторые стихи его покажутся, может быть, очень уж безыскусными. Они же все - Поэзия, ибо в них бьется живая кровь гражданина и поэта, они с неподдельной достоверностью отражают в себе характер грозной эпохи и негибавшего поколения!

Он прожил до обидного короткий век. Но прожил его прекрасно, ибо он был человеком открытым, честным, цельным и целеустремленным, И потому - бойцом.

Он воевал как все, не думая о воинской славе. Но она сама пришла к нему, хотя и с запозданием. Он шел к Большой Поэзии. И хотя находился, может быть, только на полпути к ней, она терпеливо и доброжелательно ждала его. И он - особенно в последние месяцы жизни - знал об этом.

(Из статьи: Решетников Л. К портрету моего ровесника // Электронный справочник по предмету «Литература Красноярского края». – Режим доступа: http://mmc.krsnet.ru/resource/cor/literatura_kk/p25aa1.html)

П. Ойфа

«ЕСТЬ В РУССКОМ ОФИЦЕРЕ ОБАЯНЬЕ...»

Двадцатичетырехлетний гвардейский офицер Георгий Кузьмич Суворов погиб на третьем году Отечественной войны.

Прекрасен облик этого юноши. Молодой лейтенант, комсомолец, он воевал в знаменитой Панфиловской дивизии под Москвой, был ранен в бою под Ельней. Защищал Ленинград, воспевал его в стихах и отдал за него свою жизнь.

Вероятно, стихи Суворов писал еще на школьной скамье в своем родном Абакане. Небольшом сибирском городе, где он родился. Но поэтом его сделала великая война, та святая нравственная сила, которая подняла русских людей от мала до велика на борьбу против фашистских захватчиков.

Боевая жизнь родной гвардейской стрелковой дивизии, войсковое товарищество, подвиги однополчан, фронтовые дороги, широта и щедрость духовного мира нашего солдата наполнила стихи Георгия Суворова неповторимым своеобразием.

И, может быть, самая дорогая особенность его поэзии – это слитность ее с личностью самого поэта, слитность, которую нельзя не почувствовать.

Георгий Суворов находился в самом начале своего пути. Но несколько тетрадей стихов, оставшихся после него в полевой сумке, - живое свидетельство того, что это был уже сложившийся поэт, характер цельный и одухотворенный.

Мы вышли из большого боя
И в полночь звездную вошли.
Сады шумели нам листвою
И кланялися до земли.
Мы просто братски были рады,
Что вот в моей – твоя рука,
Что, многие пройдя преграды,
Ты жив и я живу пока.
И что густые кудри ветел
Опять нам дарят свой привет,
И что еще не раз на свете
Нам в бой идти за этот свет.

Когда я думаю о своем, таком недолгом, знакомстве с Георгием Суворовым, то вспоминаю прифронтовой небольшой дачный поселок под Ленинградом. Наша 45-я гвардейская стрелковая дивизия переформировывалась в окрестностях этого полка. В палатке в сосновом лесу я увидел Суворова впервые. Еще до того как в июне 1943 года рядовым солдатом-стрелком попал я в эту дивизию, где служил Георгий Суворов, я знал, что там люди отборного мужества, что за свои боевые дела дивизия первой на Ленинградском фронте удостоена звания гвардейской. Имя командира дивизии Героя Советского Союза гвардии полковника Анатолия Андреевича Краснова, человека большой храбрости, очень своеобразного, было широко известно на фронте. О людях его дивизии, о самом Краснове писали Николай Тихонов, Павел Лукницкий, Александр Прокофьев и другие литераторы.

Воинов дивизии называли «красновцы-усачи». Как возникло это дружеское прозвище? Вот оригинальный документ, копия которого хранится в моем архиве:

ПРИКАЗ

Частям 45-й Гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизии № 1
17.10.42 г.

Приказом народного комиссара обороны тов. Сталина от 18 октября 1942 года дивизии присвоено звание Гвардии.

В связи с присвоением нашей дивизии высокого звания гвардейцев, в соблюдение традиций великой русской гвардии

ПРИКАЗЫВАЮ

С сего числа всему личному составу дивизии
отпустить гвардейские усы.

Командир

45-й гвард. ордена Ленина СД
гвардии полковник (Краснов).

Начальник штаба 45 ГОЛСД

Гвардии полковник (Лескин)

Верно: зав. делопроизводством

Гвардии техник-лейтенант (Шисталов)

Некоторые мемуаристы сейчас считают, что это отдавало каким-то гусарством, этакой бравадой, что ли.

Утверждение неверное и несправедливое.

Есть вещи, о которых нельзя судить холодно и трезво, отстраняясь от того, что было. В суровое время кровопролитных сражений и неисчислимых людских потерь на фронте и в заблокированном городе необходима была высокая романтика. Требовалось, чтобы даже внешний облик воина гвардейской дивизии не был зауряден. И это понимал командир дивизии.

Романтика русских воинских традиций была близка и Суворову.

Вспомним ветра завыванье
И немолчный гул атак,
Славу нашего собранья –
Крепких парней и рубак, -

писал он в стихотворении «Офицерскому собранию».

Встречались мы с ним редко. Фронтальная жизнь времени для встреч не оставляла. Дивизия готовилась к новым боям. Но солдатская дружба измерялась не количеством встреч, а общностью испытаний, выпавших нам на долю.

При встречах Георгий Суворов читал мне свою лирику. Я всегда любил его слушать. Читал он негромко, раздумчиво. Поразительны были точность слова, сила поэтического обобщения. И теперь, когда я перечитываю эти стихи в книге «Слово солдата», передо мной встают удивительные люди, имена которых увековечены не только их боевыми делами, но и стихами Суворова.

Вот они. Гвардии майор Поликарп Васильевич Зайченков из 131-го гвардейского ордена красного Знамени стрелкового полка и рядовой первого батальона того же полка Давид Лондон, молодой поэт, друг и ровесник Георгия Суворова, вскоре павший смертью храбрых при освобождении Красного Села; начальник дивизионной артиллерии гвардии полковник Подлущий и санитарка из 134-го гвардейского полка гвардии младший сержант Мария Романова, погибшая при прорыве блокады в январе 1943 года; гвардии полковник Кузнецов, убитый под Синявином, и гвардии старший сержант Олег Корниенко; гвардии капитан Александр Васильевич Строилов, командир батальона 134-го гвардейского стрелкового полка, кавалер ордена Ленина за Невскую Дубровку, теперь гвардии майор в отставке.

Вот стихотворение из этого цикла – по моему глубокому убеждению, истинно антологическое, - одно из самых прекрасных произведений советской военной лирики времен Великой Отечественной войны:

Есть в русском офицере обаянье,
Увидишься – и ты готов за ним
На самое большое испытанье
Идти сквозь бурю, сквозь огонь и дым.
Он как отец, и нет для нас дороже
Людей на этом боевом пути.
Он потому нам дорог, что он может,
Ведя на смерть, от смерти увести

Стихотворение посвящено гвардии полковнику Савелию Михайловичу Путилову. Путилов, ныне генерал-майор в отставке, живет в Тбилиси. Каждую строчку этого стихотворения с полным правом можно отнести и к самому Георгию Суворову, командиру взвода противотанковых ружей.

Четверть века спустя после гибели Суворова собрались вместе его друзья и однополчане, поэты Ленинграда, бывшие фронтовики, ветераны 45-й гвардейской стрелковой дивизии. Воспоминания о товарище по оружию слились в сердечный рассказ об одной прекрасной жизни.

К участникам вечера обратился из Москвы с телеграммой Николай Семенович Тихонов.

«Горячо приветствую всех собравшихся почтить память дорогого нашего друга, поэта, героя Великой Отечественной войны Георгия Суворова. Его стихи, рожденные в огне боев, звучат сегодня как голос подлинной поэзии, боевой, правдивой, обещающей. Его жизнь, посвященная борьбе за свободу и независимость Советской Родины, останется навсегда примером высокого воинского долга и мужества. Стихам Георгия Суворова суждена большая, хорошая жизнь. Это справедливо потому, что он любил жизнь, поэзию со всем пылом своего молодого сердца. Свой короткий добрый век он прожил для людей. И люди его не забудут».

(Ойфа П. «Есть в русском офицере обаянье...» // Аврора. – 1971. - № 2. – С. 50 - 51)

Д. Хренков

“КАК БЫСТРО НАШЕ ВРЕМЯ ПРОТЕКЛО...”

На углу улицы Некрасова и Литейного проспекта поворачивал трамвай. Поворачивал тяжело, скрежеща всеми колесами.

- Как танк, идущий в атаку, - сказал Георгий Суворов.

- Ты бы видел эти танки прошлой зимой. Они дремали на Невском, как курганы, - заметил Борис Лихарев.

- Э-э, куда хватил! – улыбнулся Николай Тихонов. – Трамвай в этом году весну сделал! А птиц что-то не видно.

- А у меня есть стихи про птиц, - то ли похвастал, то ли просто сообщил Суворов.

Мы уже перешли улицу Некрасова.

- Ну, читай, раз вызвался.

На ходу Суворов читать не мог. Мы остановились у дома, в котором жил знаменитый русский писатель.

Заря над лесом
разлилась устало.
Бой отгремел.
С огрызком сухаря
Я сел у пня.
Винтовка отдыхала
У ног моих,
в лучах зари горя...

Около нас задерживались прохожие. То ли узнавали Тихонова с Лазаревым, то ли их заинтересовали стихи.

В этот день я впервые увидел Суворова. Было в его облике что-то такое, что заставляло внимательно присмотреться: молодечество сочеталось с застенчивостью. И говорил он по особенному – слегка нажимая на «о», но так, будто во рту что-то перекачивалось.

Земляк!
И предо мною голубые
Встают папахи
Горных кедрочей.
Как бы сквозь сон,
Сквозь шорохи лесные

Я слышу ранний
Хохот косачей.

- Косач? Под Ленинградом? – усмехнулся Лазарев.

- Хорошие стихи.

Тихонов не дал вспыхнуть спору. Он явно симпатизировал Суворову.

Мы двинулись дальше и уже подходили к Дому офицеров, когда Борис Михайлович сунул мне и Георгию в руки талоны на обед и объяснил, как пройти в столовую. А сам с Николаем Семеновичем направился дальше, на улицу Воинов, в Союз писателей.

И вот мы с Суворовым уселись за столик. У него явно не ленинградское, не блокадное лицо: то ли обожженное ветрами переднего края, то ли не успел наголодаться. Румянец во всю щеку. На верхней губе – щеточка усов.

Ох, уж эти усы! Говорят, что все бойцы 45-й гвардейской дивизии отпустили их по специальному приказу своего командира генерала Краснова. Так ли это, может, байка?

Суворов воевал под Волоколамском, в знаменитой Панфиловской дивизии. Там и был ранен. А после госпиталя попал к нам, под Ленинград. Участвовал в боях по прорыву блокады. Кажется, он все еще живет этими боями.

- Здорово мы дали фашистам!

Мы воевали по соседству и, зная, сколько друзей пришлось тогда похоронить, я не хотел продолжать разговор в таком бравурном тоне. Георгий это понял. И заговорил о другом. Собственно, у него было только две темы: если не о боях, то тогда о поэзии. Офицерская полевая сумка его была набита стихами. Помнится, он сказал тогда, что Тихонов охлаждает его своими замечаниями. А нам после обеда идти как раз к Николаю Семеновичу.

- Только пойдем так, чтобы посмотреть на однофамильца.

Однофамилец – это Александр Васильевич Суворов. Памятник ему – у Кировского моста. Кажется, единственный из всех ленинградских памятников он не был укрыт мешком с песком. Бронзовый генералиссимус салютировал проходящим шпагой. Мы действительно идем через Кировский мост.

Георгий Суворов родился и вырос в Красноярском крае. Только недавно ему удалось впервые побывать в Ленинграде, и он ходит по улицам, как по музею. Нужно бы рассказать своему новому товарищу про Петропавловскую крепость, про дворец Кшесинской, про Госнардом. А Суворов отбивает такт рукой, читает стихи. Зато нет необходимости расспрашивать его о жите-бытье: все сказано в стихах. Как у Сергея Орлова, с которым я виделся только вчера. Как у других ребят, биографии которых, по существу, начинались на войне.

Но вот и Зверинская. Поднимаемся на шестой этаж и стучим, как предлагает записка, приколота к двери, два раза.

- А мы уже ждали вас, - приветствует нас жена Тихонова Мария Константинова. – Чай вскипел.

В этом доме любят гостей. Правда, угощать их нечем. Но радушие хозяев заменяет все. Скинув шинель, Суворов прямым ходом отправляется на кухню, давно ставшую чем-то вроде поэтического клуба.

- Сыты? - спрашивает Николай Семенович.

Суворов ребром ладони проводит по горлу.

- Нет, столовский суп так высоко не поднимается, - смеется Тихонов. – Ну, ладно, обойдемся стихами.

В прошлый свой приход Суворов читал Марии Константиновне свои стихи. Какое-то особенно запало ей в память. О цветах на переднем крае.

Суворов не заставляет себя упрашивать. Читает:

Цветы, цветы...
И там и тут.
Они смеются и цветут,

Как кровь пунцовая
Соколя,
Как память павших
здесь в бою,
За жизнь, за Родину свою –
они цветут на этом поле...

Потом читает стихи Борис Лихарев.

- А вы, Николай Семенович?

Тихонов пожимает плечами:

- Пустой. Все силы отнимает газетная поденщина.

Он говорит это так, что не печаль слышится, а скорее гордость. А между тем за окном сереет. Надо собираться в свои части. Мне предстоит еще забежать в типографию имени Володарского, где для нашей газеты делают клише. Суворову предстоит дальний путь – за Колтуши, в деревню со странным названием Черная Голова. Здесь сейчас стоит его полк.

Вместе выходим на улицу.

- Знаешь, - говорит Суворов, – стихи как будто бы понравились. А мне и приятно, и чувствую, что обманул вас. Ведь во мне живут другие. Может быть, самые настоящие, но их никак не вытолкнуть на бумагу.

Вижу, Суворов не бахвалится, но говорит то, от чего мороз по коже: война, мол, не мешает ему писать, после боя пишется с особым чувством.

Он не знает, как лучше сказать.

- Сознание выполненного долга?

Он передергивает плечами, морщится. Лесть моя ему неприятна. Ведь война – единственное дело, которым за двадцать с небольшим лет ему пришлось заняться всерьез. Он впервые почувствовал свою необходимость. Вот и приходится разрываться между боем и стихами. Много раз ему представлялась возможность уйти с переднего края туда, где потише. В газету, например. Не захотел. И вот командует взводом ПТР. А такая уж служба бронебойщиков: они всегда там, где опаснее. Так было и на правом берегу Невы, когда прорывали блокаду. Так было и под Русско-Высоцким, когда бронебойщики прикрыли свою пехоту от флангового удара немецких танков. В наградном листе на Суворова так и было написано: командир взвода не только умело командовал, но и воодушевлял личным примером.

- «Лично причастный», - говорю я, предлагая одно из возможных названий книги, рукописи которой уже давно лежат в полевой сумке. Суворов морщится:

- Напыщенно. Лучше – «Слово солдата».

Под таким названием и вышла его первая книга стихов. Только автор ее не увидел. Он погиб на переправе через Нарову. Друзья бережно положили его в только что освобожденную землю. Долго решали, каким быть памятнику. Наконец все варианты отпали и решили на плите выбить слова из стихотворения, которое Суворов подарил Михаилу Дудину. Не буду приводить длинную цитату. Вот только последние строчки. В них – весь Суворов:

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло.
В воспоминаньях мы тужить не будем.
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили, как люди,
И для людей.

По весне не могиле расцветают цветы. Их приносят однополчане и пионеры, все, кто приезжает в Сланцы или направляется в Нарву. Я смотрю на Ивангородскую и Нарвскую

крепости. Когда-то, освещенные ракетами и вспышками выстрелов, они казались мне похожими на театральные декорации. Теперь больше напоминают памятники. И в облике обеих есть что-то от Суворова, от сотен наших однополчан, которые погибли здесь, величественные и простые.

(Хренков Д. Как быстро наше время протекло... [Георгий Суворов] // Литературная газета. - 1985. - 26 июня)

Н. Емельянова (Румянцева)

[ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГЕ-ПОЭТЕ ГЕОРГИИ СУВОРОВЕ]

«В нем храбрость, ум, талант и чувство благородства
Блистали равными чертами превосходства!»

Уже десятилетия отделяют нас от минувшей войны. Но память огненных лет вечно жива и неистребима, как сама жизнь. Мы не имеем права забывать тех, кому не суждено было увидеть мирное небо нашей прекрасной Родины.

В памяти народа никогда не померкнет подвиг советских солдат, совершенный во имя жизни, во имя счастья грядущих поколений.

С волнением и гордостью вспоминаю тебя, Георгий Суворов. Человека большой душевной красоты, открытого сердца. Ты – сама доброта, человечность. Бесконечно влюбленный в жизнь, в Поэзию. С тобой связана вся история моей жизни.

В армию пришла после самой страшной блокадной зимы 1942 года. Мне было семнадцать лет. Училась на курсах радистов. После окончания школы меня направили в разведшколу, где нас готовили для работы в тылу врага. Курс обучения прошла, ждала приказа, но что-то изменилось. Меня вызвали к командиру, срочно отправили на фронт. Так я оказалась в 45-ой Гвардейской дивизии. Помню, как в 45-ую приезжал К.Е. Ворошилов. Был митинг. Помню день гибели капитана Николая Бритикова, 10 января 1943 г., Героя Невского пяточка, человека исключительной отваги и мужества. Он не раз смотрел смерти в глаза. Он никогда не терялся, с честью выходил из самых трудных положений. Ему было 22 года. Командовал ротой разведчиков. Он был твоим другом. Похоронили Героя со всеми воинскими почестями. У многих на глазах были слезы. У могилы давали клятву. Пока бьется сердце, руки держат оружие, будем бить фашистов, гнать с нашей земли. Каждый, кто оставался в живых, брал на себя двойную ответственность: за себя и за тех, кто уже никогда больше не сможет встать в строй. Помню нашу первую встречу. Встретились мы после прорыва блокады. Дивизия шла в Ленинград на отдых. Ты подошел ко мне, улыбнулся, внимательно посмотрел на меня, опять улыбнулся и сказал: «Давай помогу нести рацию», - я отказалась, пошла быстрее. Ты догнал меня, снял с моего плеча рацию, легким движением руки забросил ее себе на спину, смеясь, сказал: «А мне не тяжело!».

Сама я человек неразговорчивый и не любила, когда бесцеремонно навязываются в собеседники. Но ты так хорошо сказал: «А мне не тяжело!», с такой добродушной улыбкой, что от моей сдержанности не осталось и следа. Теперь я внимательно смотрела на тебя. Круглое загорелое лицо. Глаза, удивительные глаза: карие, блестящие, насмешливые, сверкали, как молния. Над верхней губой красивого рта аккуратно подбриты тонкие офицерские усики. Рослый, широкоплечий, подтянутый, ты выглядел мужественным, сильным, красивым. Шли молча, каждый думал о своем. Когда прощались, ты сказал: «До встречи!».

Мы встретились с тобой в Московской Славянке. Весь вечер были вместе. Весь вечер ты читал стихи. Память у тебя отличная, знал наизусть великое множество стихов. Не могу назвать себя знатоком поэзии, но твои стихи меня волновали. Искренние, мужественные. Ты старался

писать так, чтобы за каждую строкою стиха стояла личная судьба товарища, суровая жизнь на войне. Ты часто повторял мне: «Очень важно видеть все самому. Пишу, чем живу, чем дышу!». А вот когда ты писал, один Бог знает. Обстановка была очень тяжелой, требовавшей полной самоотдачи. Ты успевал сражаться на войне двойным оружием – штыком и пером.

Помню вечер, когда тебя приняли в Союз писателей. Ты читал новые стихи. Оживленный, сияющий, не в силах скрыть свою радость. Читал ты просто, без обычного «завывания» поэтов, я бы сказала, читал с душевной выразительностью, как то «вкусно», хорошо. И стихи были очень хорошие. А ты кончишь читать одно, сразу же начинаешь читать другое. Олег Корниенко, боевой твой друг, просил: «Гоша! «Сибирские орешки» давай!», - очень нравился ему этот стих. Сейчас это стихотворение называется «Сибиряк на Неве». А ты веселый, счастливый, заглянешь на меня со смешинками, озорными, лукавыми глазами, улыбнешься и дальше читаешь.

А я замирала от восторга, как замороженная смотрела на милое, самое дорогое лицо с сияющими глазами. Эти удивительные глаза излучали силу воли, в сочетании с добротой, мягкостью характера и неиссякаемой творческой мыслью. Каждую свободную минуту бежала к тебе, твоей землянке. Посмотреть на тебя. Мне хотелось быть рядом с тобой. Внимательно наблюдала за тобой, когда ты занимался с солдатами. Они уважали и любили тебя. Принципиальный, требовательный к себе и другим, вместе с тем очень добрый, отзывчивый. Щедр на доброе слово, веселую шутку. Ты разговаривал, спорил, не повышая голоса. Внимательно выслушивал вступивших с тобою в беседу солдат. Умные, прищуренные глаза смотрели прямо в глаза солдата с доброжелательным любопытством. Ты мне говорил, что боевая биография каждого солдата – пример героизма, мужества, боевой славы. Хочется писать, писать. Времени маловато, а то бы писал и день и ночь о героических делах моих боевых товарищей. Я горжусь, что герои моих стихов рядом со мною.

У тебя, Георгий Суворов, одна судьба с героями твоих стихов. Ты жил жизнью своих героев. Ты шел сквозь войну одной дорогой со своими героями. Нельзя забыть страдания, которые несла народу война. Ты писал очень искренне, достоверно. Твоя поэзия – это правда о войне. Помню, попросила тебя рассказать о тайге, о Сибири. Ты надолго задумался. Начал рассказывать с какой-то затаенной грустью про бескрайние дали тайги, затянутые голубой утренней дымкой, о золотистой заре, которая заливала мягким сиянием леса. Тайга у тебя словно живое существо. Задумаешься, помолчишь, потом что-то вспомнишь, про себя улыбнешься, а глаза вспыхнут мальчишеским задором, засияют, заблестят. Дальше рассказываешь, какой красивый заход и восход солнца, о ночных птицах, о росе, которая поблескивала крупными прозрачными слезинками на высокой густой траве. Беспредельная любовь и тоска к родному краю тревожила твое сердце. Искреннюю нежность к природе, ко всему живому хранил ты в своей доброй душе. Ты дарил мне стихи и просил их выучить. Я помню их и очень люблю. Твои стихи, испытанные огнем и кровью, продолжают жить и будут жить вечно. В твоих стихах наши мысли, наше время - трудное и прекрасное. Я благодарна судьбе, что в то тяжелое время она подарила мне тебя: человека исключительного личного обаяния, нравственной чистоты, человека большого мужества. Есть люди, которые не просто живут, а живут и светят в жизни, как яркие звезды. Мне повезло, я встретила такого человека – это ты.

Последнее твое письмо. В конверте лежат цветы – маленькие сухие веточки и стих:

Ухожу.
Вернусь ли - я не знаю.
Встречу ль вновь когда-нибудь тебя?
Ухожу туда, где умирают,
Ненавидя, грезя и любя!
Ухожу.
Будь верной в дни тревоги.
Ну, чего ж еще тебе скажу?
Нелегки солдатские дороги,
Вот и все, родная, ухожу...

Нет, ты не ушел, ты навсегда остался с нами. Сердечный, бесконечно скромный, щедрый на добро Человек. Тебя помнит моя мама, тебя помнит моя сестра, они часто говорят о тебе, вспоминая время, проведенное вместе с тобою. Мама говорит: «Вошел ко мне в комнату высокий молодой человек в длинной шинели с очень веселыми глазами, добрый, жизнерадостный». Сколько погибло таких хороших парней на войне. Будьте прокляты все, кто хочет развязать новую войну! Мы в вечном долгу у погибших. Сколько будем жить, будем помнить тебя, Георгий. Бесценный друг суровой юности моей, большое тебе спасибо, что оставил в моем сердце память о себе – светлую, чистую, добрую.

(Емельянова (Румянцева) Н.А. [Воспоминания о друге-поэте Георгии Суворове]: машинопись. - Сланцы, 1977. - 4 л. - Фонд Сланцевского ИКМ)

«СВОЙ ДОБРЫЙ ВЕК МЫ ПРОЖИЛИ КАК ЛЮДИ...»

Эти слова высечены на памятнике-обелиске воинам Великой Отечественной войны, павшим смертью храбрых на сланцевской земле в 1944 году. Автор этих слов – молодой поэт, гвардии лейтенант Георгий Суворов, захороненный на этом братском военном кладбище.

Белая мемориальная доска на обелиске гласит:

Георгий Кузьмич

СУВОРОВ,

поэт, гвардии лейтенант,

родился в 1919 году,

пал смертью храбрых

при форсировании реки Нарвы.

«Свой добрый век мы прожили как люди – и для людей».

Кто был участником Великой Отечественной войны, тот по праву может отнести эти слова и к самому себе. Именно так, именно от всех поэт сказал за всех!

Мы, члены совета ветеранов 123-й ордена Ленина Лужской стрелковой дивизии, на днях побывали в городе Сланцы на могилах наших боевых товарищей и друзей, погибших в боях за Родину на так называемом «Нарвском плацдарме». Все восстановилось в памяти.

Это было во второй половине февраля 1944 года. После освобождения Луги наша дивизия была срочно переброшена в район города Сланцы на «Нарвский пяточок». Около четырех месяцев дивизия вела активные боевые действия с врагом. Бои шли кровопролитные, ожесточенные. Местность была исключительно неблагоприятной для ведения наступательных операций – леса и топкие болота. Если принять во внимание, что была весна и снег таял дружно, по болотам невозможно было не только военную технику и снаряжение передвигать, но и солдату нельзя пройти, то станет ясным, в каких исключительно трудных условиях пришлось вести бои на этом направлении фронта.

Для передвижения транспорта к правому берегу реки Нарвы на болоте была поставлена «бирма» - деревянный настил. Стало возможно подтягивать к фронту технику, снаряжение, боеприпасы. На левом берегу реки такого настила не было. Лесная дорога была вязкой, топкой, непроходимой. Чтобы держать оборону и не дать противнику сбросить наши войска с правобережного «пяточка», бойцам и командирам приходилось за три - пять километров прыгать с кочки на кочку, на своих плечах носить боеприпасы от правого берега через мост к линии огня и делать это в вечернее и ночное время, так как вражеские аэростаты засекали движущиеся точки и подвергали минометному обстрелу.

В этих неимоверно трудных условиях наши воины героически и самоотверженно отстаивали отвоеванную у врага территорию. 19 апреля по случаю своего 50-летия Гитлер отдал приказ своим войскам очистить правобережный плацдарм, занятый нашими войсками, и закрепиться на оборонительных рубежах вдоль левого берега реки Нарвы. На участке нашей дивизии гитлеровцы нанесли главный удар. Завязался ожесточенный неравный бой между одним нашим полком и усиленным соединением врага. Наши подразделения в течение дня самоотверженно оборонялись. После кровопролитных схваток осталось немало убитых гитлеровцев.

За успешно проведенные боевые действия и разгром напавшей группы гитлеровских войск бойцам и командирам дивизии командование Ленинградского фронта объявило благодарность.

В боях с немецко-фашистскими захватчиками за Сланцевский район, за эстонскую землю героически погибли наши славные бойцы и командиры дивизии: Борис Сергеевич Букшин, Иван Ефимович Ефимов, Дмитрий Прокофьевич Загайнов, Иван Андреевич Каляда и другие. Прах героев-воинов покоится в братской могиле. Майор, заместитель командира полка по политчасти Николай Федорович Виноградов, военный врач, старший лейтенант медицинской службы Николай Михайлович Головин и другие захоронены на кладбище в деревне Большие Поля, на крутом берегу Плюссы.

Нам приятно было видеть, что работники местных партийных советских организаций, военкомата много внимания уделяют благоустройству военного и партизанского кладбищ, воспитывают подрастающее поколение на героических примерах славных воинов Советской Армии.

И. Чабурин,

полковник запаса, бывший заместитель
начальника политотдела 123-й ордена Ленина
Лужской стрелковой дивизии,
член совета ветеранов дивизии.

А. Донской,

бывшей заместитель командира батальона
по политчасти, член совета ветеранов дивизии

*(Чабурин И. «Свой добрый век мы прожили как люди...» / И. Чабурин, А. Донской // Знамя труда.
- 1967. - 9 июля. - С. 2)*

А. Балавин

ИЗ РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ:

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ. ЗВЕЗДА, СГОРЕВШАЯ В НОЧИ. СТИХИ И ПИСЬМА ГЕОРГИЯ СУВОРОВА. ВОСПОМИНАНИЯ О НЕМ (Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1970)

В конце 1944 года в Ленинграде вышла тоненькая, малоформатная, похожая на карманную, книжечка. Называлась она строго и просто: «Слово солдата». В ней было 32 стихотворения. Справка от редактора начиналась так: «Это первая и последняя книга Георгия Суворова. Больше он ничего не напишет». Георгий Суворов был командиром взвода противотанковых ружей. При переправе через Нарову 13 февраля 1944 года осколками снаряда ему разбило челюсть, кость ноги, ранило в живот. Через сутки он умер от ран.

На ленинградском фронте его хорошо знали как храброго офицера и подающего надежды поэта. И в одном редактор первого сборника ошибся. Книга оказалась не последней. Вскоре понадобилось и второе издание (Ленинград, 1954), и третье (Абакан, 1954).

Друзья разыскали неопубликованные его стихотворения, письма, написали воспоминания. В рецензируемой книге уже около ста его стихотворений. Их собрал Леонид Решетников, составитель книги и автор предисловия. Он сделал очень много, чтобы увековечить память Георгия Суворова. Впрочем, Георгий Суворов был не из тех, кого легко забывают. Все, кто с ним когда-либо встречался, навсегда сохранили память о человеке красивом, смелом, увлекающемся, веселом. Поэты Н. Тихонов, А. Сурков, М. Дудин, П. Ойфа, журналисты А. Шадрин и Э. Аренин, воспоминания которых опубликованы в книге, создали обаятельный портрет молодого офицера и поэта.

Георгий Суворов – поэт военной доблести. Он писал о мужестве рано повзрослевшего поколения. Писал о боях, о жертвах, о победе. О полководческом искусстве «ведя на смерть, от смерти увести». Он был одним из тех, кто знал роль, которая дана ему жизнью и временем. Сердцем понимал не только примечательность своей судьбы и судьбы товарищей. Он чувствовал и щемящую грусть той памяти, которую многим придется оставить о себе:

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло.

В воспоминаньях мы тужить не будем.
Зачем туманить грустью ясность дней.
Свой добрый век мы прожили, как люди,
И для людей.

Время Георгия Суворова протекло слишком быстро. Он погиб в двадцать три года. Погиб как солдат. Но по призванию он был поэтом. «Писать стихи я не бросал ни на минуту. Писал в поезде, отправляющемся на фронт. Писал в госпитале. Писал о бомбежках под ожесточенными бомбежками. Везде писал. Обо всем писал. И сейчас пишу. Война – это почва, по которой я сейчас хожу», - рассказывал он в письме с фронта.

В ленинградском Доме писателей на мемориальной доске среди фамилий литераторов, погибших на войне, названо и имя сибиряка Георгия Суворова. Он писал стихи и успел написать немного. Но это была книга его жизни, жизни – для людей.

(// Звезда. – 1971. - № 2. - С. 219)

СТИХИ ГЕОРГИЯ СУВОРОВА

Во имя любви

Нине Емельяновой

1

Мне кажется, жизни нет места
На поле, изрытом войной.

Туманов белесое тесто
Плывет над промерзшей Невой.

Снегов помутневшая россыпь
На скованном льдом берегу.
Окопы. Воронки. Заносы.
Багрянец крови на снегу.

Вверху - грохотание «илов»,
А прямо - траншеи зигзаг.
Сдержанное сердце не в силах,
К тебе тороплю я свой шаг.

Молчать не могу, не умею, -
Прочь с губ моих, тяжкий замок!...
Траншея – в траншею. Траншея –
В блиндаж. В блиндаже – огонек.

2

В ночах, неуютно-бездонных,
Пусть скажут мне очи твои,
Что, сталью терзая влюбленных,
Враги не убили любви.

Что в мире смертельной тревоги,
На трудном, на грозном пути,
Где лица приподнято-строги
И слово «люблю» как «прости», -

Пускай, как веселое солнце
Над этой ненастной мглой,
Сверкнув, в тишине пронесется
Твой трепетный голос живой:

- Победа! Люблю! И – победа!...
И вновь я поверю в мечту,
Что, тропы к победе разведав,
Я встречу твою красоту.

Что, жизнью своею рискуя,
Тебя, дорогой человек,
Назвать, возвратившись, смогу я
Возлюбленную навек...

3

...И падали люди, как камни,
Вблизи, у тебя на виду.
И огненными лепестками
Их кровь расцвела на льду.

Смотрела ты долго... Блестели,
В глазах отражаясь твоих,

Багровые кудри метели,
Куда я ушел за двоих.

Наверное, в это мгновенье
Молила с надеждою ты:
- О, дай им пройти сквозь сражение,
Пройти эту четверть версты...

И не было песни чудесней, -
Ах, песня, ты слышишься мне, -
В огне не горящая песня
Любви, что проснулась в огне.

И шел я, и силы кипенье
Гудело и пело в крови.
Так шел я, не прячась, в сражение,
В сражение во имя любви.

Ухожу...

Ухожу. Вернусь ли я - не знаю.
Встречу ль вновь когда-нибудь тебя?
Ухожу туда, где умирают,
Молча ненавидя и любя.
Ухожу. Будь верной в дни тревоги.
И чего ж еще тебе скажу?
Нелегки солдатские дороги.
Вот и все, родная. Ухожу...

Чайка

Как полумесяц молодой,
Сверкнула чайка предо мной.
В груди заныло у меня...
Зачем же в самый вихрь огня?

Что гонит? Что несет ее?
Не спрячет серебро свое...

Зачем?...
Но тут припомнил я...

Зачем?...
Но разве жизнь моя...

Зачем?
Но разве я не так
Без страха рвусь в огонь атак?!

И крикнул чайке я:

-Держись!
Коль любишь жизнь –
Борись за жизнь!
***

Пришел и рухнул, словно камень,
Без сновидений и без слов,
Пока багряными лучами
Не вспыхнули зубцы лесов,

Покамест новая тревога
Не прогремела надо мной...
Дорога, дымная дорога –
Из боя в бой, из боя в бой...

Офицерскому собранию

Подлети, возьми, отведай
Наши песни, ветерок.
Мы увенчаны победой
На скрещенье трех дорог.

Три дороги – все крутые.
Встанем, братцы, на одной.
Вспомним битвы громовые
Дружной песней боевой.

Вспомним ветра завыванье
И немолчный гул атак,
Славу нашего собрания
Крепких парней и рубак.

***

Полковнику Путилову

Есть в русском офицере обаянье.
Увидишься – и ты готов за ним
На самое большое испытанье
Идти сквозь бурю, сквозь огонь и дым.

Он как отец, - и нет для нас дорожке
Людей на этой боевом пути.
Он потому нам дрозд, что он может,
Ведя на смерть, от смерти увести.

***

Мы вышли из большого боя

О. Корниенко

И в полночь звездную вошли.
Сады шумели нам листвою
И кланялися до земли.

Мы просто братски были рады,
Что вот в моей твоя рука,
Что, многие пройдя преграды,
Ты жив, и я живу пока.

И что густые кудри ветел
Опять нам дарят свой привет,
И что еще не раз на свете
Нам в бой идти за этот свет.

***

Подполковнику Кузнецову

Хотя бы минуту на роздых
За окаянных три дня.
Но снова уносится в воздух:
- Дайте огня на меня!

И снова взлетают с землею
Разорванные тела.
Метится пламенем боя
Насквозь прожженная мгла.

И в этих метельных звездах
Твердое, как броня,
Режет прогоркший воздух:
- Дайте огня на меня!

И рухнули наземь звезды,
И парень, гранату подняв,
С кровью выхаркнув воздух:
- Огонь, огонь на меня!...

***

Я славлю вас, герои! Обо мне ж –
Никто не скажет и никто не спросит.
Я с вами вместе выйду на рубеж,
Чтоб увидеть вас в тихий час предгрозя.

Когда ж найдут меня средь мертвых тел,
С улыбкой грустною кивнут на ветер:
«Он весело страдал и сладко пел...»
А может быть, и вовсе не заметят.

Ну что ж! Я буду счастлив даже тем,
Что сын героя мой листок подымет, -

И прозвучит ему героя имя
Во всей неповторимой простоте.

***

Цветы, цветы... Как много их,
И розовых и голубых,
Как мотыльков на тонких стеблях.
Мне улыбаются весь день,
Живую радугу колебля.

Цветы, цветы... И на душе
Вот в этом тесном блиндаже
Опять легко. Я пьян цветами...
Здесь бой прошел. Здесь кровь лилась,
Но бой не погасил их пламя.

Цветы, цветы... И там и тут
Они смеются и цветут,
Как кровь пунцовая соколя,
Как память павших здесь в бою
За жизнь, за Родину свою, -
Они цветут на этом поле.

***

Мы тоскуем и скорбим.
Слезы льем от боли.
Черный ворон. Черный дым.
Выжженное поле.

А за гранью, словно снег, -
Ландыши без края.
Рухнул наземь человек, -
Приняла родная.

Беспокойная мечта, -
Не сдержать живую.
Землю милую уста
Мертвые целуют.

И уходит тишина...
Ветер бьет крылатый.
Белых ландышей волна
Плещет над солдатом.

***

Когда-нибудь, уйдя в ночное
С гривистым табуном коней,
Я вспомню время боевое
Бездомной юности моей.

Вот так же рдели ночь за ночью,
Кочуя с берегов Невы,
Костры привалов, словно очи
В ночи блуждающей совы.

Я вспомню миг, когда впервые,
Как миру светлые дары,
Летучим роем золотые
За Нарву перешли костры.

И мы тогда сказали: слава
Неугасима на века.
Я вспомню эти дни по праву
С суровостью сибиряка.

***

М. Дудину

Еще утрами черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день – мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло.

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней, -
Свой добрый век мы прожили как люди –
И для людей.

***

Средь этих нив я собирал слова, -
То пестрые, как вешняя долина,
То строгие, как горная вершина,
То тихие, как на заре трава.

Средь этих тучных нив, не раз, не два,
Я песню направлял в полет орлиный;
И песня, птицей став, неслась былиной
Из века в век, прекрасна и жива.

Средь этих нив я создал жизнь свою,
Подобную сереброкрылой песне,
На зависть всем и даже – соловью.

Средь этих нив я лягу и умру,
Чтобы еще звончей, еще чудесней
Летела песня утром на ветру.

***

Вперед, на Запад! –
Цену этих слов
Мы поняли, когда в горячем пыле
Мы штурмовали стены городов
Ценой нечеловеческих усилий.

Вперед, на Запад! –
Дерзкая мечта...
Я знаю, нас никто не остановит.
Целуют землю русскую уста,
Отбитую ценой солдатской крови.

Пусть мы не прошли и полпути,
Пусть звезда уходит в ночь устало.
Теперь на Запад будем мы идти,
Вперед идти – во что бы то ни стало.

***

М. Романовой

Сочилась кровь, и свет бежал из глаз.
Сверкнул огонь – и вдруг огонь погас.

А он дрожал, как будто кто-то гвоздь
Вбивал в его раздробленную кость.

Но лишь на миг в себя он приходил, -
Ползти старался из последних сил

Туда, где на ветру дрожит трава,
Где катит волны к берегу Нева.

Туда, где лодки... где прохлада... Но
Летит земля на грудь... В глазах темно...

И кажется... все прошлое забудь!

На половине оборвался путь...

Но вдруг на грудь твою сошла заря,
Весенней белой яблоней горя.

В твоих глазах два синие цветка
Вдруг посмотрели. О! как жизнь сладка!...

И девушка, в руке зажав бинты,
Тебе сказала: «Жить! Жить будешь ты!»
***

Вот уж поистине солдат,
Хоть и с погонами майора.
Поднялся полк за рядом ряд,
Как буря в ярости напора.

По взгляду твоему – вперед!
По слову твоему – дружнее!
Полк в вихрях пламени идет
И за траншеей рвет траншею.

Когда ж уставшие бойцы
Не встанут по прямому знаку,
Ты крикнешь лихо: «Молодцы!» -
И первый бросишься в атаку.

***

Красноармеец бьется так:
Пред ним громады вражьих тел,
Диск пулемета опустел...
Встает обрадованный враг.

Красноармеец бьется так:
В под сумке две гранаты есть –
Голов фашистам не унести!
С землю смешан черный враг.

Красноармеец бьется так:
В руке один клинковый штык, -
С размаху заколол троих!
Четвертый!? – Поднял руки враг!

***

Полковнику Подлуцкому

Над лесом взмыла красная ракета,
И дрогнуло седое море мглы.
Приблизили багровый час рассвета
Орудий вороненые стволы.

От грохота раскалывались тучи,
То опускаясь, то вздымая вверх,
Через Неву летел огонь гремучий -
И за Невою черной смертью мерк.

И так всю ночь, не ведая покоя,
Мы не гасили грозного огня.
И так всю ночь за русской Невою
Земля горела, плавилась броня.
И так всю ночь гремели батареи,
Ломая доты за рекой во рву, -
Чтоб без потерь, стремительней, дружнее
Пехота перешла через Неву.

Чтобы скорее в схватке рукопашной
Очистить дорогие берега,
Чтоб, растопив навеки день вчерашний,
Встал новый день над трупами врага.

СТИХИ О ГЕОРГИИ СУВОРОВЕ

Петр Ойфа

Береза у мызы Мустаыйе

Он сам своей строкой поэта
О нашей Правде говорил.
Он шел солдатом правды этой,
Ее Вооруженных Сил.
Когда, ударив прямо с ходу
Прямой наводкой по врагу,
В огонь вступили мы, как в воду,
На левом Нарвском берегу,
Смерч на себя бесстрашно вызвав,
Она возникла перед ним,
Береза – девочка у мызы,
За вражьем дотом броневым.
Как будто наши огневые
Сама назначила для нас.
И не было у Мустаыйе
Другой приметы в этот час!
И стала в строй ориентиром,
И в пекле чертовом войны
Вся будущим светилась миром
Садов, дорог и тишины!
Он первым бросился вперед,

И для людей!

Олег Корниенко

Ответ Георгию Суворову

Я славлю вас, герои! Обо мне ж –
Никто не скажет и никто не спросит.
Г. Суворов

Во всей неповторимой простоте
Стихов, рожденных в самом пекле боя,
Ты рассказал, как в битвах пали те,
Кому народ дал звание героев;

Как скромность красит подвиги живых,
Идущих на врага сквозь дым, огонь, сквозь вьюгу,
И после жарких схваток боевых
Как рад солдат, живым увидя друга.

Поведал ты, как воин-сибиряк
Врагов бил на Неве, под Ленинградом.
Ты в песнях пел, что будет сломлен враг
И город Ленина свободен от блокады.

Настал тот день, которого ты ждал.
Над миром прогремел салют Победы...
Но чей стоит нетронутым бокал
В победный день, в час дружеской беседы?

Да, многих нет среди нас... Тебя уж нет...
И ты погиб при Нарвской переправе –
В шинели серой юноша-поэт,
В стихах мечтавший о солдатской славе.

Но жив твой стих: ведь он рожден в борьбе
Душой поэта, мужеством богатой.
Спокойно спи! Кто спросит о тебе,
В ответ услышит: «Храбрым был солдатом».

Спокойно спи! Твой стих живет для тех,
Кто сам его как символ дружбы принял.
Тому звучит всегда поэта имя
Во всей неповторимой простоте.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СБОРНИКУ

Имя Георгия Суворова имеет особое значение для сланцевчан. На северной окраине нашего города, на братской могиле воинов, погибших в боях 1944 года на берегах Наровы,

возвышается гранитный обелиск с белой мраморной доской. На ней высечена надпись: «Свой добрый век мы прожили как люди и для людей». Она звучит как реквием всем погибшим и как напутствие всем живым. Под этим же обелиском покоится прах самого поэта, Георгия Суворова. Он прожил короткую, но очень яркую жизнь, обладал многообещающим поэтическим даром, был не только талантливым поэтом, но и храбрым воином. Для молодых светлый облик поэта-воина, честно прошедшего свой ратный путь, является примером служения родине и поэзии.

В 2019 году исполняется 100 лет со дня рождения Г.К. Суворова. Его имя непосредственно связано с освобождением нашего города и района. Безусловно, подвиг поэта-воина достоин того, чтобы его имя было известно каждому жителю города. С этой целью выпущен настоящий сборник, который будет направлен в школы и библиотеки города и района, чтобы познакомить как можно более широкий круг людей с именем Георгия Суворова.

Предлагаемый сборник носит вспомогательный характер и предназначен для использования в качестве методического пособия при работе с темой жизни и творчества Георгия Суворова: для ознакомления с репертуаром изданий и публикаций, при подготовке литературных и историко-патриотических мероприятий. Сборник предваряет библиографический список изданий и материалов о Г.К. Суворове, имеющихся в фонде Сланцевской центральной городской библиотеки. В него включены также наиболее интересные статьи биографического и литературоведческого характера, воспоминания известных советских писателей и поэтов о Георгии Суворове. Сборник адресован работникам библиотек, музеев, педагогам, а также всем, кто работает с молодежью.

ОБ АВТОРАХ МАТЕРИАЛОВ

Дудин Михаил Александрович (1916 - 1993) - поэт, прозаик, переводчик и журналист, военный корреспондент. Общественный деятель, сценарист, автор текстов песен и более 70 книг стихов. Герой Социалистического Труда (1976), лауреат Государственной премии СССР;

Емельянова (в замужестве Румянцева) Нина Александровна (1924 - ?) - воевала на Ленинградском фронте, фронтовая подруга Г. Суворова. Ей посвящено стихотворение Ю. Полякова «Каждый год»:

Говорят, что она каждый год приезжает сюда,
На могилу солдатскую в городе этом неблизком.
И положит цветы, и стоит, вспоминая года,
Что лежат непробудно, как мертвые под обелиском.

Говорят, что покоится тут молодой лейтенант -
Фронтная любовь, ослепившая сердце когда-то.
Он был весел и смел, он имел неумный талант
И к стихам, и к войне - той, что не пощадила солдата.

Летней ночью в округе победно поют соловьи,
Зимней ночью метель дышит с болью, как наша эпоха,
Говорят, ничего нет на свете дороже любви,
А они ее отдали всю - до последнего вздоха!

Малкин Марат Федорович - журналист, исследователь творчества Г.К. Суворова, автор книги «Обелиски Георгия Суворова» (СПб., 2000);

Мартынов Леонид Николаевич (1905 - 1980) - поэт, журналист, переводчик поэзии. Лауреат Государственной премии СССР;

Ойфа Петр Наумович (1907 - 1987) - поэт, журналист. В годы Великой Отечественной войны - военный корреспондент на Ленинградском фронте;

Петров Евгений Николаевич (1919 - 2007) - сланцевский краевед, педагог;

Поляков Юрий Михайлович (род. 1954) - писатель, поэт, драматург, киносценарист и общественный деятель. Главный редактор «Литературной газеты» в 2001 - 2017 гг. Исследователь творчества Г.К. Суворова, автор книги «Между двумя морями» (М., 1983), автор кандидатской диссертации по Георгию Суворову;

Решетников Леонид Васильевич (1920 - 1990) - поэт, публицист и журналист;

Сурков Алексей Александрович (1899 - 1983) - поэт, литературный критик, общественный деятель, педагог. Журналист, военный корреспондент. Герой Социалистического Труда;

Утков Виктор Григорьевич (1912 - 1988) - писатель, литературовед, библиофил;

Хренков Дмитрий Терентьевич (1919 - 2002) - критик, литературовед, главный редактор журнала «Нева» в 1979 - 1984 гг.;

Юдалевич Марк Иосифович (1918 – 2014) - поэт, писатель-краевед, драматург, переводчик. Член Союза писателей РСФСР, Заслуженный работник культуры РСФСР.

Муниципальное казенное учреждение культуры
«Сланцевская межпоселенческая центральная районная библиотека»

188560, Ленинградская обл.,
г. Сланцы, ул. Ленина, д. 19,
тел. 8 (81374) 31-952, факс 8 (81374) 31-956
e-mail: scgbpavlova@mail.ru

ГЕОРГИЙ КУЗЬМИЧ
СУВОРОВ
ДОСТ. ТВАРАДИ ЛЕЙТЕНАНТ
РОДИЛСЯ В 1919 Г.
ПАЛ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ ПРИ
ВОДСКРОВАНИИ РЕКИ НАРОВЫ
13 ФЕВРАЛЯ 1944 Г.
СЫН МАТЕРИ И ОТЕЦ ДЕТЯМ
ПЛАЧУЩИМ ДА НЕ ДАВАЮТ
СНОВА ЗАБЫТЬ СВОЕГО